

РОВЕСНИК ²
1981

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Февраль, 1981 год, № 2

ЛИДЕРЫ БРАТСКИХ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ — О ВЕЛИЧИИ ИДЕЙ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, О БОРЬБЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВЕНСТВО И СЧАСТЬЕ

Для Виталия Желтикова, слесаря-сборщика Московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе (его вы видите на первой странице обложки), быть коммунистом — это значит отлично работать и всегда помнить, что он член партии, которая представляет ум. честь и совесть нашей эпохи.

Фото А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

4. СМОТРИТЕ!

6. Джеймс Стил. МОЙ ПУТЬ К КОММУНИСТАМ

10. Томидзи Сакагучи. «ЧЕМ БОЛЬШЕ МОЛЧИШЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПРИХОДИТСЯ ТЕРПЕТЬ»

14. Уве Кникрем. «И ЕЩЕ: БЫТЬ МУЖЕСТВЕННЫМ»

17. Атул Умар Анджан. ТЕРРОР ИЗ-ЗА КОРДОНА

19. Мануэль Гереро. «Я НЕ БЫЛ В СПИСКАХ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ...»

20. Мануэль Гереро. ПУТЕШЕСТВИЕ В БОЛЬНИЧНОМ КРЕСЛЕ. РАССКАЗ

22. Ян Кашпар. НИКАРАГУАНСКИЙ ДНЕВНИК

26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...

28. Дэвид Данауэй. ПЕСНЯ, ПРИРАВНЕННАЯ К ОРУЖИЮ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ [зам. главного редактора], В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА [ответственный секретарь], Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова

Оформление И. М. Неждановой

Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19.12.80. Подп. к печ. 21.01.81. А01313. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 1971.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

23 ФЕВРАЛЯ В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ ОТКРЫВАЕТСЯ XXVI СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПАРТИЯ ИДЕТ НАВСТРЕЧУ СВОЕМУ
СЪЕЗДУ В ТЕСНОМ ЕДИНСТВЕ С НАРО-
ДОМ, ИДЕТ С ЧЕТКОЙ ПРОГРАММОЙ
ДЕЙСТВИЙ В ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕЙ И
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

смотрите!

Студенты из Западного Берлина, активисты Движения коммунистической молодежи Франции, советские металлурги, эфиопский крестьянин, защитники афганской революции — разные континенты, разные судьбы, разные проблемы, разная жизнь. Но все они, как и миллионы их сверстников, ищут ответа на волнующие вопросы современности в марксизме — учении, которое все сильнее, потому что верно. Сейчас, в преддверии XXVI съезда КПСС, их помыслы обращены к Москве — столице социалистического государства, народы которого под руководством партии первыми в мире приняли на себя историческую миссию воплотить идеи коммунизма в жизнь.

МОЙ ПУТЬ К КОММУНИСТАМ

— Читатели «Ровесника» заочно знают вас, Джеймс, по выступлениям на страницах нашего журнала о жизни и проблемах молодежи США. Но у нас не было случая поближе познакомиться с вами лично. Вы ведь не только возглавляете Союз молодых рабочих за освобождение, но и входите в состав руководства Коммунистической партии США. Как вы стали коммунистом?

— Чтобы ответить на этот вопрос, придется пуститься в воспоминания. Мой путь в партию не был легким и укатанным.

— Сейчас, оглядываясь на этот путь, могли бы вы сказать, какие обстоятельства привели вас к коммунистическим убеждениям?

— Вся сумма обстоятельств, из которых складывается жизнь. Словом, сама жизнь и привела. А точнее, стремление разобраться в жизни.

Мое детство прошло в Акроне, штат Огайо. Это небольшой, но важный в промышленном отношении город в тридцати милях к юго-востоку от Кливленда. Он входит в мощный индустриальный комплекс северной части Огайо, где развиты металлургия, нефтехимия, резиновая и электротехническая промышленность. Население той части города, где мы жили, состояло более чем наполовину из черных и работало в основном в резиновой промышленности. Когда я был маленьким, я думал, что все на свете делают автопокрышки. Все, кого я знал — отец, родня, соседи, — делали покрышки.

Жизнь нашего города подчинялась трехлетнему циклу. Каждые три года профсоюз рабочих резиновой промышленности объявлял забастовку, чтобы добиться включения своих условий в очередной коллективный договор с предпринимателями¹. Как правило, забастовки были ожесточенными, причем отлично помню, что каждая последующая была продолжительнее предыдущей.

За то время (а иногда оно растягивалось на месяцы), что рабочие отстаивали свои требования, хозяева, естественно, не платили ни цента. В нашей семье было пятеро детей. Во время забастовок профсоюз выплачивал пособие по десять-пятнадцать долларов в неделю на семью. Это меньше, чем мало, для такой семьи, как наша. Те годы оставили глубокий след в моем сознании, хотя юношей я этого еще не понимал. Компания — наш враг, вот что крепко усвоили я, мои братья и сестры.

Уже в раннем возрасте я почувствовал, что принадлежу к той части населения, которую в Акроне, да и во всей Америке, не жалуют из-за цвета кожи. Это началось еще в школе, где многие учителя, уверенные, что из чернокожих учеников все равно не выйдет толку, старались тратить на нас как можно меньше своего «драгоценного» времени. Во мне стала копиться злость. С какой стати они решили, что если я черный, то, значит, тупица?! Я был оскорблен и не скрывал этого.

Помню, один учитель любил щеголять длинными

¹ В США, где в отличие от социалистических стран законы не регулируют многие аспекты трудовых отношений (например, не предусматривают права на отпуск, на пособие по болезни, по беременности и родам и др.), коллективный договор становится средством классовой борьбы. Рабочие с его помощью стремятся ограничить произвол капиталистов и добиться улучшения условий труда и заработной платы. Предприниматели же настаивают на внедрении потогонных систем и на включении в договор положений о запрете стачек. Поэтому заключение таких договоров обычно сопровождается острыми столкновениями, массовыми забастовками и локаутами. — Здесь и далее примеч. ред.

Джеймс СТИЛ,
национальный председатель Союза
молодых рабочих за освобождение
(СМРО, США)

трудными словами. В нашем классе были и ребята из состоятельных белых семей, они, наверное, слышали эти «высокоинтеллектуальные» слова у себя дома и знали их смысл. Учитель произносил свою непонятную речь, явно обращаясь к ним, а потом пренебрежительно, свысока оглядывая нас, «остальных», и повторял сказанное словами попроще. Тогда я поклялся, что никому и никогда не позволю говорить со мной свысока. Когда подошел мой день рождения и мама спросила, что я хочу получить в подарок, я ответил, что мне нужен толковый словарь. Заполучив эту книгу, я не расставался с ней, куда бы ни шел, зубрил незнакомые слова. В известном смысле толковый словарь стал моим первым учебником политграмоты. Я, мальчишка из рабочей негритянской семьи, не собирался хлопать глазами, если кто-то попытается меня унижить! Я готовился поставить обидчика на место.

— И, наверное, хотелось сбить спесь с того учителя?

— Не успел. Пока я осваивал словарь, окончился учебный год, а осенью ему дали другой класс. Но вообще-то лично у меня с ним отношения сложились, как бы это сказать... корректные. Его удивляли мои сочинения. Он, по-видимому, не ожидал, что черный ученик может мыслить вполне самостоятельно.

...В старших классах я был заводилой по части политических выступлений. Мы требовали большего представительства в школьном совете, приглашения дополнительного числа чернокожих учителей, введения в программу сведений об истории и жизни негритянского населения США. Как раз в те годы набирало силу движение за гражданские права негров. Наши требования отражали общее настроение негритянского населения страны¹.

Мне сейчас и самому интересно оглянуться назад, посмотреть на того задиристого парня, каким я был в начале шестидесятых. Вокруг меня такие же сорвиголовы, жаждавшие каких-то настоящих дел, настоящей борьбы и подвигов во имя освобождения черных братьев. Таким я вступил в студенческую жизнь.

¹ Движение за гражданские права, постепенно принимавшее характер массовых организованных выступлений, ставило целью прежде всего устранение расовых барьеров во всех областях жизни. Негры (а также другие национальные меньшинства — пуэрториканцы, индейцы и т. д.) требовали покончить с дискриминацией при найме на работу и оплате труда, отменить раздельное обучение по расовому признаку, выделять больше средств на строительство жилья в «цветных» кварталах, предоставить им реальную возможность выдвигать своих кандидатов на выборах в органы власти. Эта борьба приобрела исключительно широкий размах и совпала с движением протеста против империалистической войны во Вьетнаме.

К тому дню, когда я окончил школу, родители подарили денег, чтобы послать меня в университет. Отец поклялся дать всем своим детям высшее образование, чтобы им не пришлось гнуть спину на тяжелой физической работе, как ему самому. Но он мне сказал: «Джим, даю тебе только один шанс. Не используешь его — выкручивайся потом сам, на меня не рассчитывай. Вас слишком много, я не потяну на вторую попытку».

Я поехал поступать в университет Огайо. Он находится в юго-восточной части штата, в Аппалачах. Это слово у нас давно стало синонимом нищеты. И если про человека говорят: «Он с Аппалачей», то значит, что он из тех бедолаг, которые живут среди выработанных угольных шахт. Когда уголь кончился, компании покинули своих бывших шахтеров, между прочим в основном белых, на произвол судьбы.

Поступив в университет, я попытался, как и многие другие чернокожие студенты, вжиться в систему, так сказать. Но скоро у меня пропал интерес к той жизни, к которой меня готовила учеба. Учиться я, однако, продолжал. Начал с психологии, потом заинтересовался социологией, потом историей...

То были годы, когда в негритянском движении возникало множество воинственных политических группировок. В основном они представляли весь мир как арену борьбы между черными и белыми. Игнорируя различия в социальных системах, они были объективно антикоммунистическими, так, например, Советский Союз был для них всего-навсего «страной белого человека» и, следовательно, не тем местом, где можно найти опыт, полезный для решения расовых проблем. И никому при этом, мне в том числе, как-то не приходило в голову, что часть Советского Союза расположена в Азии. А что он объединяет в одну семью десятки национальностей и народностей, мы и вовсе не знали.

Легко понять, что меня, юношу из негритянской рабочей семьи, тянуло к людям, которые призывали ответить силой на насилие. Правильно — эти люди проповедовали сумасшедшие вещи вроде «черной революции для черных». Но это я сейчас понимаю, что они

были путаниками, не имели верной программы. А тогда... мог ли я не восхищаться их дерзостью, их отвагой в борьбе за полное равноправие? Я всем сердцем был с ними и не мог стоять в стороне.

Бедная мама! Она жила в постоянном страхе за мою жизнь и, кажется, была уверена, что я не доживу до двадцати пяти, погибну в какой-нибудь стычке с полицией. Случались переделки, когда я и сам так думал.

Политические страсти в студенческом кампусе захватили меня целиком. И все-таки у меня не было уверенности, что мне удалось нащупать верный путь. Я как бы бродил среди доктрин, пробуя то одну, то другую. Я искал такое учение, которое предлагало бы всесторонний анализ волновавших меня проблем и реалистическую программу их решения. Но «революционность» тех групп, в которые я вступал, оказывалась при ближайшем рассмотрении мелкобуржуазной в своей основе. Одни проповедовали элементы анархизма, другие — крайний национализм, третьи — что-нибудь еще, но их рассуждения логически приводили к классовому компромиссу с эксплуататорами.

Раздобыл я и «красную книжку» изречений Мао. В ней оказалось столько же проку, сколько в тех книжках и брошюрах, которые я читал и отбрасывал до этого. Затем я прочел одну работу под названием «Расовая война». В книге шла речь о концепции «двух сверхдержав». Я взял ее в руки уже не столько из любопытства, сколько потому, что к маоизму тогда приглядывались многие негритянские активисты. Прочитав ее, я подумал: «Если США и СССР на самом деле находятся в стоворе против так называемого «третьего мира», то как же объяснить, что Советский Союз оказывает Вьетнаму такую большую помощь?» Мне было достаточно и одного фальшивого тезиса о «стоворе двух сверхдержав», чтобы отбросить всю маоистскую версию международных отношений. Короче говоря, маоизм я отверг с порога.

Вспомним тогдашнюю обстановку в Соединенных Штатах. Пожары и стрельба в негритянских гетто, подавление бунтов отрядами национальной гвардии, убийство Мартина Лютера Кинга, поход бедняков на

Вашингтон. И одновременно эскалация войны во Вьетнаме. Я был и в движении за равноправие негров, и в движении за мир. Я с самого начала решил для себя бесповоротно: во Вьетнам не поеду, и точка.

Я видел, как эта война, война Джонсона и Никсона, одних убивает, а других превращает в подонков. Она же пожирала средства, которые могли бы пойти на улучшение жизни моего народа. Борьба против расизма, за равенство естественно и все теснее сочеталась с борьбой за мир. Сама жизнь подталкивала меня к тому, чтобы разобраться в природе существующей системы. Те доктрины, которые поначалу кружили мне голову (одни всерьез, а другим я поддавался как бы понарошке), для такого дела оказались непригодными.

Мне помог тот же Вьетнам. Во мне росло восхищение Хо Ши Мином. Я все пытался и не мог понять, как это так: небольшой народ — и бьет почему зря нашу «великую державу». Тут что-то есть, сказал я себе. Наверное, им помогает вера в какую-то идею. Именно тогда я впервые прочел «Манифест Коммунистической партии».

Когда я окончил университет, возник Центр афро-американских исследований. Я был в числе тех, кто добивался создания при университете Огайо этого Центра. Мне предложили в нем преподавать. Между прочим, мне было из чего выбирать, я получил много предложений из разных мест, и не только из колледжей. Вам это может показаться любопытным: компании тогда наперебой приглашали к себе черных выпускников, особенно тех, кто возглавлял студенческое движение. Странно на первый взгляд, не правда ли? А дело тут вот в чем. Люди бизнеса поняли, что подоплека у черного национализма классовая и, значит, особо опасная для них. Поэтому они и пытались приручить лидеров движения. Так вот, места мне предлагали с большими деньгами. Центр афро-американских исследований платил меньше всех, но я пошел именно туда.

Одним из внештатных лекторов Центра был марксист. Этот человек помог мне всерьез заняться диалектическим и историческим материализмом и политэкономией, с его помощью я открыл для себя марксистско-ленинскую литературу. Меня просто ошеломило все, что я тогда прочитал. А читал я взапой. И только удивлялся, как это все проходило мимо меня раньше.

Я преподавал и учился сам. В Центре я вел два курса: один — о взаимосвязи между развитием капитализма в США и негритянским движением, другой — обзор политических воззрений черных лидеров. Днем лекции, вечером подготовка к завтрашним лекциям, потом чтение для себя, часто ночь напролет. Читая Маркса, Энгельса, Ленина, я испытывал восторг открытия. Я нашел именно то, что так долго искал. Классовый анализ общественного развития.

Естественно, я с особенным интересом взялся за работы, в которых с позиций марксизма рассматривались вопросы экономической и политической жизни современной Америки. Хаос фактов и событий американской истории стал выстраиваться в моем сознании в логически законченную картину, главным элементом которой была классовая борьба. В одной из своих статей Генеральный секретарь Компартии США товарищ Гэс Холл назвал классовую борьбу осью вращения американского общества. Она, писал Гэс Холл, пробиралась зайцем в трюмах тех судов, которые плыли к обоим континентам Америки. Два столетия существования США были процессом раскалывания на два больших враждебных класса — пролетариат и буржуазию. Глубоко символично, как заметил Гэс Холл, что первыми американцами, отдавшими свои жизни за независимость США, были именно рабочие — негр Криспус Аттокс и его белые товарищи Колдуэлл, Маверик, Грей и Карр, расстрелянные англичанами в 1770 году. Марксистская точка зрения на ход американской истории помогла мне ясно увидеть, в какой упорной, непрекращающейся

борьбе рабочий класс вырывал у капиталистов демократические права и материальные уступки. В этой борьбе сложили головы легендарные рабочие вожаки — Джо Хилл, Сакко, Ванцетти.

Глубокие по содержанию и ярко публицистичные работы Гэса Холла и других наших марксистов дали мне убедительные аргументы, которых мне не хватало в спорах с теми из моих коллег по Центру афро-американских исследований, кто отделял борьбу за гражданские права негров от рабочего движения, кто не понимал, что американский рабочий класс, хотя и состоит из людей разных рас и национальностей, един как класс, причем большая часть черного населения относится как раз к этому классу. Расовое и национальное угнетение как бы смазывает общую картину, суть которой — классовая эксплуатация. В общем, я научился разбираться в существе проблем благодаря тому, что доктрина, которой я так проникся, была строго научной.

Следующим естественным шагом для меня стали поиски контакта с коммунистами. Но в тех краях их не было. В штате Огайо коммунистическая организация была очень малочисленной. Она только начинала возрождаться после страшных ударов, которые были нанесены ей в период маккартизма.

Вот как живут в богатой Америке люди с черным цветом кожи. Этот парень из Гарлема, как милостыню, выпрашивает на бирже труда какую-нибудь работу.

В нашем Центре, помню, разгорелись острые споры. Группа преподавателей, в том числе и я, требовала включить в программу курс по проблемам негритянских рабочих. Мы пригласили для пробных лекций нескольких специалистов, чтобы потом вынести окончательное решение. Среди них был один из Чикаго — Исмаил Флори, руководитель организации компартии штата Иллинойс. Он считается авторитетом по вопросам рабочего движения и движения за равноправие негров.

Нам его лекция очень понравилась. В тот вечер я пригласил его к себе домой. Мы долго говорили, и под конец товарищ Флори предложил мне вступить в коммунистическую партию. Это было 8 июля 1970 года. Смыслом моей жизни стала работа в партии. Вскоре я ушел из Центра, чтобы посвятить все свое время созданию в штате Огайо организации Союза молодых рабочих за освобождение. В 1974 году я был избран национальным председателем СМРО и остаюсь им по сей день.

Известие о том, что я стал коммунистом, дома восприняли одобрительно. Мама сразу заметила во мне перемены — в рассуждениях, в поведении, в характере. И даже вздохнула с облегчением. Спасибо, сказала, ком-

мунистам уже за то, что мой сын наконец-то поумнел. Мои родители никогда не причисляли себя к левым. Мы рабочие, и только, говорили они о себе. Но к компартии они относятся с большой симпатией. У них был случай познакомиться с товарищем Уинстоном, Национальным председателем Компартии США. Наверное, эта встреча произвела на них впечатление. Они с уважением говорят о руководителях нашей партии, читают наши издания. Я очень люблю моих стариков и благодарен им за все, что они для меня сделали. За то, что учили меня не бояться никакой работы, быть всегда самим собой, уметь постоять за свои убеждения. А эти качества совершенно необходимы для коммуниста.

Я пришел в компартию, когда она заметно укрепила свои позиции. В 1968 году, впервые после 1940 года коммунисты начали принимать участие в кампании по выборам президента США. На протяжении 28 лет компартия не имела возможности выдвигать своих кандидатов из-за условий нелегального и полунелегального существования. С 1972 года партия неизменно выдвигает кандидатом на пост президента Гэса Холла. В 1980 году вместе с ним баллотировалась (на пост вице-президента США) Анджела Дэвис. Скептикам, которые ставят под вопрос «практический смысл» участия нашей партии в предвыборной борьбе за высшие государственные посты, а также за места в конгрессе, мы отвечаем: для нас чрезвычайно важно обрести трибуну, с которой можно ознакомить народ с программой коммунистов, во весь голос разъяснить наш лозунг «Люди — превыше прибылей». Один мой товарищ по партии, обращаясь к избирателям, сказал так: «Лучше проголосовать за то, чего хочешь, но не получишь, чем за то, чего не хочешь, а получишь».

Для нашей партии решающей фазой предвыборной кампании была борьба за право регистрировать своих кандидатов. В условиях политической системы, функционирующей по принципу «Прибыли — превыше людей», это было нелегко. Монополистический капитал ведет нападки на компартию, клеветает, извращает ее подлинные цели, запугивает простых американцев, используя разветвленный репрессивный аппарат и средства массовой информации. Из 2370 операций, проведенных ФБР в послевоенные годы против прогрессивных организаций, более половины — 1388 — обрушились на нашу партию. Американским коммунистам приходится жить и бороться в атмосфере, отравленной шовинизмом, расизмом и антикоммунизмом.

И тем не менее мы добиваемся успехов. Если на выборах 1968 года компартия была внесена в списки лишь в двух штатах, то четыре года назад коммунисты баллотировались в 19 штатах и федеральном округе Колумбия, а в 1980 году мы собирали подписи под петициями о регистрации наших кандидатов в 30 штатах.

Напряженная и успешная работа компартии в 1980 году — а нам пришлось во время предвыборной кампании много ездить по стране, выступать перед рабочими, фермерами, студентами — дает мне дополнительный повод смотреть на будущее с оптимизмом. А без оптимизма нам никак нельзя. Ответственную работу, которую поручает нам партия, можно делать только с энтузиазмом и убежденностью в правоте нашего дела. Американские коммунисты, в том числе молодые, сознают, что рабочий класс Америки нуждается в нашей партии, чтобы обрести то влияние, которое предназначено ему историей. Пусть пока не все наши потенциальные друзья это понимают, пусть становление социалистического сознания у нашего рабочего класса — задача гигантской трудности, учитывая мощь буржуазной пропагандистской машины, объективно мы нужны, необходимы трудящейся Америке. Мы, коммунисты, не закрываем глаза на трудности, но и не боимся их. История докажет нашу правоту.

Записал Б. СЕНЬКИН

— Если бы мы не боролись, мы не могли бы существовать.

— Как следует понимать ваши слова?

— Буквально.

— Приведите, пожалуйста, пример.

— В Японии, даже по официальным данным, по данным правительства, свыше миллиона безработных. Если бы все рабочие не боролись против незаконных увольнений, эта цифра, я уверен, росла бы страшными темпами.

— Япония сейчас одна из высокоразвитых стран.

— ...значит, может создаться иллюзия всеобщего благополучия, благоденствия. Это мы знаем. Действительно, страна пережила время экономического скачка, и это не могло не произвести впечатления на весь мир. Время «скачка» прошло, кризисы капиталистического производства неизбежны, но впечатление осталось. Поддерживать его в интересах предпринимателей. Но ведет ли рост экономики в капиталистической стране к росту благосостояния народа? Это опасная иллюзия. Если, предположим, это так, тогда, казалось бы, за что бороться? Тогда для чего существуют демократические организации, каковы их цели, если нет проблем, нет разногласий между предпринимателями и рабочими, общим развитием экономики и жизненным уровнем трудящихся? И тогда можно прийти даже и к такому выводу: демократические организации увлечены формальными целями, их политические лозунги, их борьба никак не связаны с истинными интересами трудящегося народа, пребывающего в благоденствии. И, раз «нетипично» такое явление, как безработица, следовательно, рабочие, объединяемые партией, поддерживающие ее программу, участвующие в борьбе, «нетипичны», не представляют народа. Нужны доказательства? Компании постоянно публикуют всевозможные цифры, «средние показатели» жизненного уровня своих рабочих. Разумеется, картина, создаваемая подобными публикациями, просто великолепна. «Среднему» счастливицу действительно позавидуешь: кажется, компания шефствует над ним и его семьей, компания озабочена его настоящим и будущим, компания все предвидит...

— Откуда берутся средние показатели и благополучные цифры?

— Обычно учитываются условия труда и заработная плата малого числа высокооплачиваемых рабочих, так называемой рабочей аристократии. Эти рабочие заняты на крупных предприятиях, принадлежащих крупным фирмам. Они «счастливики» только потому, что им повезло занять это место, где заработная плата более или менее гарантирована. Но описывать условия жизни и труда «рабочей аристократии» — значит только на пять процентов говорить правду, остальные девяносто пять процентов — это уже горькая правда. Благополучие действительно среднего, рядового японца, рабочего или служащего крохотной фабрики, весьма непрочное! Не сегодня-завтра более сильный конкурент сожрет нежизнеспособного противника в жестокой конкурентной борьбе — и человек, жертва схватки фирм, оказывается на улице.

«ЧЕМ БОЛЬШЕ МОЛЧИШЬ, ТЕМ БОЛЬШЕ ПРИХОДИТСЯ ТЕРПЕТЬ»

Томидзи САКАГУЧИ,
заместитель председателя Лиги
социалистической молодежи
Японии

Событие не столь исключительное для будней Японии. Иллюзий нет у рядового японца, ибо не по «средним показателям» он судит о положении вещей. Десятичасовой рабочий день, семидневная рабочая неделя — это не вчерашний день, это наше сегодня. И пока об «экономическом чуде» Японии говорят во всем мире, человек, своими руками производящий «чудеса», по-прежнему должен бороться буквально за каждый день своего существования. Не говоря уж о том, что будущее он представляет себе смутно или вовсе не возлагает на будущее никаких надежд. Безработица, бешеный рост налогов, рост цен на предметы первой необходимости, повышение платы за жилье, электричество — вот страхи «маленького человека», не ждущего чуда от «экономического чуда». Судьба детей? Детям он передает те же страхи, то же бремя.

— Итак, человек не связывает свое будущее и будущее семьи с ростом богатства в государстве.

— Более того! Капиталистическое усовершенствование производства воспринимается им как зло, с которым необходимо бороться, чтобы выжить. В этом и состоит, как мне кажется, главный порок капиталистического производства. В его рационализации рабочие видят причину своих личных неудач. Вряд ли это поймут молодые люди, выросшие при социализме. Как можно сознательно сопротивляться внедрению более прогрессивной технологии, оптимальной организации труда, высвобождению рабочих рук? Но пусть этот протест свидетельствует порой о политической неграмотности рабочего, который пока не понимает, что корень зла в самой природе капитализма, что технический прогресс вообще и капиталистическая рационализация разные вещи, показательны даже эти заблуждения.

Бурное развитие Японии, продолжавшееся почти два десятилетия и завершившееся в начале семидесятых годов, своими темпами обязано прежде всего самой низкой среди развитых капиталистических стран оплате труда, рационализации, сопровождавшейся массовыми увольне-

ниями. И в эти годы «экономического чуда» рабочие жили под постоянным страхом увольнения. Когда предприниматель больше не нуждался в них, он выгонял рабочих. Тем, кто оставался, можно было всегда понизить заработную плату: будьте готовы работать и быть благодарными!

Я повторю: «процветание» — это сказано не о рабочих.

— Какую проблему можно назвать типичной для Японии?

— Это, безусловно, проблема работающей женщины. Ее положение в Японии ужасно сложно, традиционно сложно... Женщина подвергается дискриминации в стране, рвущейся к богатству! Судьба японской женщины — это целый клубок проблем, которые она должна решать сама, в одиночку. От ее «семейных вопросов» государство отмахивается. Рано или поздно, но она должна прийти к мысли о необходимости бороться: на это ее толкает судьба даже в том случае, если эта судьба складывается внешне благополучно, то есть у женщины хватает сил...

— Давайте рассмотрим такую внешне благополучную судьбу.

— Согласен. Здесь «средний показатель» будет справедлив, даже если мы возьмем такой удачный вариант. Скажем, она работает, она замужем, у нее есть дети, есть еще силы устраивать свою судьбу.

— Да, все устроилось.

— ...Моя жена начала работать в тридцать три года. Мы познакомились, когда она была совсем молода.

— Ваша жена член партии?

— Она вступила в социалистическую партию, когда поняла: «Чем больше молчишь, тем больше приходится терпеть».

...Героиню зовут Киоко. Это значит «дитя Токио». Она хорошо поет и умеет играть на разных инструментах — вот весь ее багаж, когда она приезжает в Токио. Она очень молода, когда приезжает в Токио, следовательно, она оптимистка. Она надеется, что у нее хватит сил. Собственное имя кажется ей пророческим: в огромном городе, где у нее нет крыши и родни, ее обязательно ждет удача. Какая удача? Разумеется, необыкновенное счастливое стечение обстоятельств, необыкновенная судьба. Киоко начинает судьбу с нуля: снимает угол и устраивается на работу в прачечную. Прачечная не самая современная, и приходится стараться изо всех сил, чтобы заработать на то, чтобы заплатить за квартиру и прожить до конца недели, стараясь экономить изо всех сил. Киоко гладит белье при помощи утюга и гладильного барабана. Когда она возвращается домой, запахи прачечной ее не оставляют. Работа ее не оставляет ни на минуту. Но пока у Киоко нет проблем, а есть мечты. Домой она пишет письма — в будущем обещает помогать родителям. На празднике песни она знакомится с молодым служащим компании железных дорог.

На свадьбу собирается очень много народа. Как много друзей у невесты! «Счастливый фестиваль песни, на котором находят друг

друга молодые славные люди». Так говорят все. Киоко мечтает: «У нас будет очень большая дружная семья, много детей, они все вырастут прекрасными людьми. У нас будет семейный хор!» Когда проходят годы и дети подрастают, Киоко можно поздравить — ей удалось почти все. Судьба сложилась так, как она мечтала. Или... почти так — с некоторыми исключениями, о которых она сначала предпочитает забывать. Она предпочитала забывать трудности и мрачные моменты, пока ее интересы заключались в семье и детях, пока она не начала присматриваться к миру вокруг себя.

— С рождением ребенка у женщины всегда появляется больше забот. Это естественно. Но женщина в Японии, если она собирается быть замужем и, значит, иметь детей, должна сразу зачеркнуть будущее: мечту о работе, которая могла бы ее удовлетворить, честолюбивые помыслы учиться, приобрести знания. Как правило, молодую мать сразу же увольняют с работы. При этом обычно заявляют, что дело, конечно, не в ребенке, нет-нет. «Но вы должны согласиться, что теперь уже не сможете уделять столько внимания работе, как мы рассчитывали. Да, вы преданы делу и наша фирма всегда ценила в вас это редкое качество, но ведь вы не станете отрицать, что теперь, когда у вас появились новые заботы...» Отличная формулировка! Она подходит для многих случаев. Ведь наши компании не затрудняют себя поисками «новых форм», когда надо уволить сотрудника. Когда примерно в это же время мне вдруг понизили зарплату (а для нас с рождением дочери это был ощутимый удар) и я прекрасно понял, за что — за мою общественную работу, за активное участие в митингах, собраниях нашей Лиги, — мне предложили то же объяснение. «Компания беспокоится, что, будучи заняты общественной работой, вы не сможете так много внимания уделять делам компании». Забавно, что члены реакционного профсоюза не получили подобного предупреждения — их «общественная работа» ничуть не беспокоила заботливых управляющих!

— Что ожидало Киоко в будущем?

— Обычная судьба женщины. Сначала воспитание ребенка, потом первая попытка найти работу.

— Первая, значит, затем и вторая?

— Хоть сотая. Обычная история: везде отказ. Женщина в отчаянии, она готова идти на любую работу, она готова получать гроши за самый тяжелый труд. У нее, можете быть уверены, не будет претензий, она никогда не заявит о своих правах, она будет преисполнена искренней благодарности. И вот тогда ей подворачивается работенка...

— Работенка?

— Ей кажется, что наконец-то ей идут навстречу, ей кажется, что она спасена. Но как раз сейчас она в большей опасности, чем когда бы то ни было. Сезонная работа.

— Чем это плохо?

— Это настоящее рабство. Тонкий расчет работодателя. Если прежде ее опыт, ее квали-

фикация, ум, умение работать не находили применения, то теперь в ней вдруг оказались заинтересованы — в бессловесной работнице, заранее отказывающейся от своих прав, заранее готовой к притеснениям, тяжелой, неблагодарной работе, нищенскому жалованью. На сезонных работах женщин нещадно, безнаказанно эксплуатируют.

— Разве женщина не может пожаловаться в профсоюз?

— Женщин-сезонниц не принимают в профсоюз, поэтому их некому защитить. Они у нас оказались будто бы вне общества: самые эксплуатируемые, они не знают средств, а зачастую не имеют и желания, сил для борьбы с эксплуатацией. Их социальная активность невелика, потому что общественные интересы (да еще под угрозой потерять работу — «последний шанс») могут им показаться пустой тратой времени. «Что мы можем изменить?» — говорят они. Стоит ли упоминать, каков моральный урон, нанесенный им! В восемнадцать лет они приезжают в большой город, полные надежд. В двадцать выходят замуж и теряют работу. Через несколько лет они разувериваются во всем, несправедливость их жизни погубила в них все лучшее, чем может гордиться молодость: веру в свои силы, оптимизм. Их дети будут тоже «дети Токио»... Что же касается Киоко, то она должна была все время откладывать свою мечту вернуться к работе. У нас родились еще

трое детей. Это очень много для семьи, живущей в Токио почти без средств. Когда-то мы мечтали, что у нас будет двенадцать детей и мы их всех воспитаем так, как это должно. Интересно, на что мы надеялись в молодости?

Спасительное было время для Киоко! Она откладывает свою мечту, но она к ней вернется, между тем как ее сверстницы уже прошли путь мытарств, они знают отчаяние... Киоко судьба берегла, но молодая женщина не слепа, она видит этот мир.

— Я уверен, что все это время в душе Киоко накапливался страх перед будущим...

— ...боялась завтрашнего дня.

— Ни в коем случае этого нельзя себе позволить! Нельзя быть беспомощным перед жизнью. Надо воспитать в себе уверенность. В условиях нашей страны, где сама жизнь уничтожает в простом человеке веру, унижает его, человеку поможет вернуть чувство собственного достоинства только сознательная борьба. Надо стремиться понять жизнь, и это самообразование должно быть непременно политическим. Рабочий в Японии образован: начитан, высокопрофессионален. Но и образованный рабочий может отказаться от политического выступления из-за страха, что ему понизят зарплату, и образованный человек может смириться с угнетением. Политическую определенность должен выработать в себе человек.

...Семья продолжала жить в «заячьей норе»,

когда Киоко стала искать работу. Дети подросли. Она с большим хладнокровием начала заниматься поисками и была готова к неудачам. Но счастливое стечение обстоятельств, в которое она верила в юности (представляя его тогда, конечно, иным, не таким прозаическим), вдруг сложилось: Киоко вскоре нашла работу. Помните, она прекрасная музыкантша, с детства поет и играет на разных инструментах, в ранней молодости ей запомнился праздник молодежной песни. Киоко берет аккомпаниатором в детский сад — что вы скажете? Она будет учить детей пению, рисованию. Киоко счастлива. Но она не знает, что главная ее удача в том, что ей не пришлось бесконечно долго искать работу. Разве можно поручиться, что тогда сильнее оказалась бы она, а не бесконечно долгие ее поиски работы? При всем ее мужестве, при том, что у нее еще долго хватало бы сил?

Что это за жизнь, если счастливое стечение обстоятельств должно помочь женщине, чтобы ее жизнь была обыкновенно нормальной? Тогда Киоко начинает сознательную борьбу. Она ходит на специальные семинары, организуемые партией. Она учится понимать эту жизнь, чтобы бороться сознательно. Она чувствует свой долг. Когда она занята, дети умеют оставаться дома одни. «Если бы мы не боролись, мы не могли бы существовать».

Записала Н. ЧУГУНОВА

«И ЕЩЕ: БЫТЬ МУЖЕСТВЕННЫМ»

Уве КНИКРЕМ,
председатель марксистского союза
студентов «Спартак»

— Что требуется для вступления в ваш союз?
— Быть студентом. Быть марксистом. И еще:
быть мужественным человеком.

— Объясните, пожалуйста, это «и еще».

— Вступив в «Спартак», студент должен знать, что он автоматически попадает под надзор полиции. И еще он должен быть готов к тому, что с таким «пятном» ему будет довольно трудно найти работу.

— Но ведь «Спартак» — легальная организация?

— Совершенно верно, «Спартак» — легальная организация, действующая в рамках законов нашей демократической системы, и тем не менее... В этом вся загвоздка — чего стоит на деле эта демократия.

— У вас есть факты?

— Разумеется.

Уве берет в руки номер журнала «Роте блеттер», издаваемый союзом «Спартак». На обложке фотография: с десятков полицейских, нагруженных пухлыми пакетами и бумажными мешками, выходят из какого-то здания. Броская «шапка»: «Полиция охотится за г-ном «Некто». Спецвыпуск о полицейской акции против «Спартака» и «Роте блеттер».

— Вот вам факты, о которых мы рассказали западногерманской общественности.

Листаем «Красные страницы» (так звучит в переводе на русский название журнала «Роте блеттер»).

...Все началось с телефонного звонка.

— Говорит инспектор Бунте, 14-й комиссариат в Бонне, политическая полиция.

— Квицке, заведующий учебным отделом университета в Крефельде, — отозвался абонент.

Инспектор не мешкая берет «быка за рога»: нужны сведения о принадлежности студента N (фамилию студента журнал, по понятным причинам, не приводит) к «левой экстремистской организации». Господин Квицке, сама любезность, однако, в затруднении. Помощники ушли обедать, а обширную картотеку надо перебирать вручную (вот беда, ЭВМ еще не завели). Инспектор согласен подождать до двух часов и оставляет свой телефон.

В четырнадцать ноль-ноль господин Квицке выходит на связь.

Бунте. Минуту, записываю. Факультет инженерной химии, в университете с 1974 года, член МСС «Спартак». С какого времени?

Квицке. Точной даты вступления мы не знаем. Но он постоянно принимает участие в митингах и демонстрациях, что и зафиксировано в нашей картотеке. В официальном

личном деле этого, конечно, нет. Если надо, мы можем подтвердить сказанное в письменной форме.

Бунте. При условии: нельзя допустить, чтобы о моем звонке стало известно всем в университете.

Квицке. Не беспокойтесь. Направьте запрос на мое имя.

Бунте. Благодарю за сотрудничество.

Квицке (хихикая). Иначе и быть не могло.

Инспектор имел еще несколько бесед с господином Квицке и всякий раз убеждался, что с верноподданническими чувствами этого ученого мужа могло соперничать лишь его же усердие по сбору всевозможных пикантных подробностей о студентах и заодно о преподавателях.

Пока крефельдский завуч потирал руки, окрыленный похвалами столичного полицейского чина, Бунте уже беседовал с Рудольфом Диппольдом, начальником канцелярии университета в Бамберге. И вновь полное взаимопонимание:

— Все политические сведения об интересующем вас лице, господин инспектор, мы уже передали в местное отделение криминальной полиции.

— Значит, господин Диппольд поддерживает контакты с полицией?

— Разумеется, господин инспектор!

Неутомимый Бунте продолжал названивать в разные университеты. «Конфиденциальная» информация, состоящая из документированных сведений вперемешку со слухами и отсебятиной, сыпалась отовсюду как из рога изобилия. С профессором права Карлом Хайнцем из Гугенхайма вышел, однако, курьез. После беседы с полицейским из Бонна профессору захотелось кое-что уточнить, благо инспектор оставил телефон.

— Штаб-квартира «Спартака», — раздалось в трубке.

Профессор бросил трубку (не туда попал) и снова набрал номер. Опять «Спартак»... Когда в третий раз ему ответили: «Спартак» слушает», профессор понял...

Да, инспектора Бунте в природе не существовало. Редакция «Роте блеттер» прибегла к остроумной мистификации, позаимствовав этот прием у известного западногерманского журналиста Гюнтера Вальрафа. Мнимый «инспектор» обзвонил пятнадцать университетов и институтов, и лишь однажды произошла осечка, которая его приятно поразила. Ректор Гамбургского института промышленности и политики профессор Ауст отказался доносить на своих студентов. Один из пятнадцати!

В трех номерах «Роте блеттер» за 1980 год печатались стенограммы телефонных разговоров и фотокопии официальных ответов на запросы «инспектора политической полиции», а также переписка «господина Шумана», представителя отдела кадров издательства «Фасит», озабоченного тем, как бы в означенное

издательство не проникли молодые специалисты, замешанные в связях со «Спартаком».

Уве откладывает журнал.

— Мы наделали этими публикациями много шума. Материалы пересказывали и толковали практически все газеты. Собственно, о существовании подлого механизма слежки и доносительства все знали и раньше, однако никто не думал, что этот механизм приводится в действие так просто, так автоматически — по одному звонку из политической полиции. Бскрылась вся цепочка. Стало ясно, что участников демонстраций, митингов, дискуссий берут на заметку не только штатные полицейские шпики, но и университетское начальство, которое, так сказать, добровольно берет на себя полицейские функции, составляет политическое досье на активистов левых организаций, в первую очередь «Спартака». Как используются эти досье, видно из приведенных фактов. Их пускают в ход, чтобы не дать спартаковцу устроиться на работу по специальности, скажем, педагогом. Или чтобы уволить человека левых убеждений, сколько бы лет он уже ни проработал на своем месте. Основание? Так называемое «постановление о радикалах», принятое еще в 1972 году. Его называют также «законом о запрете на профессии». Этот закон в явном противоречии с конституцией запрещает гражданам левых убеждений занимать должности в государственных учреждениях и предприятиях, школах и университетах и служит основанием для репрессий против людей прогрессивных убеждений, прежде всего коммунистов и работающих в тесном контакте с ними членов марксистских молодежных организаций «Спартак» и Социалистическая немецкая рабочая молодежь (СНРМ). Унизительным допросам и проверкам на предмет «благонадежности и верности конституции» подверглось уже более полумиллиона граждан Федеративной Республики.

Но время показало, что задуманный как средство изоляции коммунистов «закон о запрете на профессии» дал обратный эффект. В широком движении за его отмену участвуют и молодые социал-демократы, и прогрессивные либералы. Ведь и они все чаще становятся жертвами «запретов». Репрессии на основе этого реакционного закона не ограничились коммунистами, многие стали его жертвами только за то, что участвовали в политических кампаниях вместе с

коммунистами. Движение протеста уже добилось первых успехов. Кое-кого из уволенных властям пришлось вернуть на работу. Борьба за отмену «запрета на профессии» стала в Федеративной Республике главным пунктом борьбы за демократические права.

— Может ли человек, уволенный на основании этого закона с государственной службы, устроиться на частное предприятие?

— Формально да. Но, во-первых, найдет ли он работу по своему профилю? Многие, имея диплом педагога, вынуждены водить такси. А если человек был машинистом локомотива на железной дороге? Ему куда податься? Такие случаи у нас тоже есть. Во-вторых, предприниматели тоже действуют в духе «закона о запретах на профессии», так сказать, по собственной инициативе. И человеку с клеймом «красного» хорошей работы не видать. На этот счет редакция «Роте блеттер» также провела несколько экспериментов.

Мы снова открываем журнал.

...Двойник «инспектора Бунте» начал не с телефонных звонков, а с солидных письменных запросов. Ваш выпускник, сообщил он университетам, устраивается к нам на работу; его деловые качества фирму устраивают, но не было ли замечено за ним в студенческие годы каких-либо предосудительных поступков, связей или высказываний? «Если окажется, что он имел связи с антиконституционными элементами, мы, естественно, будем не вправе предоставить ему работу», — заключал «господин Шуман».

«Шуман» тоже не мог пожаловаться на нежелание университетской администрации сотрудничать. Одни слали обстоятельные письменные ответы, другие, словно боясь опоздать, хватались за телефон. Профессор Шюллер был одним из них.

Что он знает о господине имярек? Один раз принял у него экзамен в Марбургском университете, вот и все «личное общение». Однако же профессору Шюллеру помнится, что «то ли сам У., то ли кто-то другой, но по его инициативе» предлагал включить в учебный план факультативный курс «Введение в марксистскую политэкономю». Да, вот еще, хлопает себя по лбу профессор. Была какая-то склока с профессором Хойсом, кажется, до суда дошло.

Над «господином У.» сгущаются тучи. Если и Хойс даст похожую характеристику, места в фирме ему не видать, как своих ушей...

Хойс, как и следовало ожидать, добавляет красной краски к портрету У. Еще бы, левые однажды сорвали его лекцию.

На фото внизу слева: учебная тренировка неонацистов; справа: «Наци, вон!» — говорит прогрессивная молодежь ФРГ.

Действительно, был суд. «Кажется, У. тоже был замешан в том скандале, и его оштрафовали или что-то в этом роде. Он из радикалов. Это точно. И наверняка не изменился».

Все! На дальнейшей профессиональной судьбе У. можно ставить крест. Сколько же таких судеб уже искалечено, если учесть, что запросы «господина Шумана» воспринимались как само собой разумеющиеся? Если чиновники и профессора, стараясь угодить представителю частной фирмы, поднимали личные дела студентов, рылись в картотеках, строчили ответы, больше похожие на доносы? Некий Бленке даже изъявил готовность пошарить в почтовом ящике «Спартака».

— Что было дальше?

Уве кивает на обложку спецвыпуска «Роте блеттер»:

— То, что на этой фотографии. Месть. Мы знали, что нам не простят этих разоблачений.

Утро среды 4 июня 1980 года началось в нашей штаб-квартире как обычно. Заседало бюро — обсуждались последние приготовления к общенациональному студенческому фестивалю. Редакция «Роте блеттер» занималась своими делами. У входа на первом этаже раздался звонок. Один наш товарищ открыл дверь, и в здание ворвались полицейские, человек сорок, кто в форме, кто в штатском. Они бросились по комнатам с криком: «Всем оставаться на местах!» У каждой двери встало по два-три полицейских. Ничего не объяснив, не предъявив никакого мандата, у нас потребовали удостоверения личности, всех переписали. Только после этого показали ордер на обыск и заявили, что хотят выявить лиц, причастных к публикациям в «Роте блеттер». Они рылись в наших вещах и бумагах часов шесть, составляя подробную опись. Все это время каждый из нас должен был, не двигаясь, сидеть на своем рабочем месте. Стоило кому-то полезть за носовым платком или потянуться за листком бумаги, как тут же подскакивал агент и выхватывал «подозрительный предмет». Звонить позволялось только при условии, что номер набирал сотрудник полиции. Одним словом, на нас старались нагнать страху.

У нас конфисковали все документы: списки членов «Спартака», записи о встречах и беседах с молодыми социал-демократами и другими партнерскими организациями, материалы о нашей работе среди студентов, пленки с записями наших заседаний. Не обнаружили они только ничего, что касалось бы разоблачения слежки в университетах. А что, собственно, они могли найти?.. Записи телефонных переговоров? Так мы их и опубликовали. А подлинное имя «инспектора» или «Шумана» — редакционная тайна.

Впрочем, сами же агенты не делали особого секрета, что выявление автора публикаций — только предлог, а основная задача состояла в том, чтобы «взять под колпак» все, чем занимается наша организация. Инспектор Бреннер из 14-го комиссариата политической полиции (настоящий инспектор!) выразился без обиняков: «Ничего относящегося к этому делу (к разоблачениям «Роте блеттер») мы все равно не найдем. Зато сможем бросить общий взгляд на работу организации».

Этой же цели служит и «дело», возбужденное против ответственного редактора «Роте блеттер» Франца Зоммерфельда. Все «расследование» сосредоточено на выяснении структуры и деятельности «Спартака».

Чего же добилась политическая полиция этим бесцеремонным налетом? В университетах прокатилась волна возмущения. С резолюциями протеста выступили многие студенческие и молодежные организации. Даже некоторые депутаты бундестага осудили действия полиции. Так что организаторы травли «Спартака» добились совсем не того результата, на который рассчитывали. Не удалось запугать ни нас, ни наших друзей. Этот полицейский налет на центральную штаб-квартиру марксистской организации только

всколыхнул симпатии к «Спартаку». Наши позиции стали прочнее.

— Из сообщений печати можно заключить, что марксистам, спартаковцам в частности, приходится держать оборону и против правых экстремистов, неофашистов. Насколько серьезна эта угроза?

— Действительно, неофашисты активизируются, совершают вылазки против отделений компартии и прогрессивных организаций, провоцируют столкновения во время демонстраций. Они уже начинают переходить к крупным террористическим актам. От бомб, подложенных членами неофашистских организаций, гибнут люди.

В широком плане активизация неофашизма в ФРГ объясняется экономическим кризисом. Наступление буржуазии на права и завоевания трудящихся вызывает с их стороны отпор. Вот тут-то буржуазия и прибегает к своему резерву — фашизму, давая ему возможность действовать беспрепятственно.

Однако левые силы внимательно следят за развитием событий. Антифашистское движение в нашей стране сейчас на подъеме, оно объединяет очень разные по своему характеру организации. В день антифашиста, 17 июля, по всей Федеративной Республике прокатилась волна демонстраций. В одной, самой крупной, участвовало пятьдесят тысяч человек. Неофашисты попытались провести свои контрдemonстрации. Но это была жалкая картина. Мы считаем, что зрелость и представительность демократического движения — гарантия того, что фашизм больше не пройдет в нашей стране.

Антифашистским, антимилитаристским настроением у нас обычно бывает проникнута любая крупная манифестация молодежи. Не был исключением, например, и студенческий фестиваль, состоявшийся летом в Майнце. Он собрал десятки тысяч юношей и девушек со всей страны. Устроителем фестиваля был исполком Объединенных немецких студенческих организаций ФауДС, в котором наряду с другими студенческими союзами представлен и «Спартак». Представители «Спартака» участвовали во всех дискуссиях, которые велись в рамках этого фестиваля, и тот факт, что послушать их приходили тысячи людей, сам по себе говорит об интересе наших студентов к политике вообще и к мнению нашей марксистской организации, в частности.

Численно нас, спартаковцев, пока немного: всего 6 тысяч из 950 тысяч студентов. Но благодаря представительству в исполкоме ФауДС мы выступаем авторитетной силой в студенческом движении. Ведь членом ФауДС считается фактически каждый студент. Кроме того, спартаковцы входят в половину из 180 местных студенческих органов самоуправления.

Это наши организационные плюсы. Но их бы не было, если бы «Спартак» не умел ставить перед студенческим движением вопросы большого политического значения. А он не только ставит их, но и выдвигает реалистическую, четкую программу совместных действий. Это касается и проблем высшей школы, и борьбы за отмену «запрета на профессии», и движения против милитаризации, за безопасность и мир в Европе.

Причем «Спартак» умеет так поднести эти на первый взгляд очень общие проблемы, что они заинтересуют и самого «сонливого» студента (есть у нас такая категория апатичных, но в целом-то хороших ребят, которые просто не нашли еще себя в настоящем деле). Например, студенты-социологи Гамбурга, члены нашей организации, провели семинар вместе с людьми, пострадавшими от «запрета на профессии». Студенты решили взять над ними шефство и провести исследование психологических последствий практики «запрета на профессии». Конкретный и, возможно, сулящий практическую пользу поворот актуальной темы.

Записал С. БОРИСОВ

ТЕРРОР ИЗ-ЗА КОРДОНА

Атул АНДЖАН,
президент Всеиндийской
федерации студентов
(ВФС)

— За годы независимости Индия добилась многого. Какие проблемы стоят сейчас перед вашей великой страной?

— В самом общем виде это один вопрос, тот же, что волнует всех трудящихся Индии, весь народ и, конечно, нас, коммунистов: как ускорить прогресс страны, покончить с проблемами, оставшимися со времен английского колониального владычества, — социальным неравенством, кастовыми и религиозными предрассудками, отсталостью деревни и некоторых национальных меньшинств, неграмотностью... Эти проблемы решались бы куда быстрее, если бы нам не мешали.

— Что вы имеете в виду?

— Коротко — непрекращающиеся козни американского империализма и его новоявленного напарника — китайского гегемонизма. А подробнее... Я расскажу вам несколько эпизодов из сегодняшней действительности нашей страны, и вам многое станет понятным.

...Ночь на 6 июня 1980 года была последней ночью деревни Мандай. Та же жаркая влажная тьма, что и вчера и позавчера, опустилась на землю. Люди, намотавшись за день на полях, как и вчера и как позавчера, забывались сном, едва растянувшись на циновках. Все как всегда. Деревня-трудяга, каких тысячи в штате Трипура. С одной существенной разницей. Люди, ее построившие и заселившие, каждый — от подростка до старика — прошли в своей жизни через такое, о чем им и вспоминать не хотелось: кошмар 1971 года в Восточном Пакистане — за не-

сколько месяцев до того, как он стал независимой Республикой Бангладеш.

Измученные люди, спасаясь от свирепой солдатни генерала Яхья Хана, бежали в соседнюю Индию. Во всех городах, деревнях, вдоль дорог их встречали словами сочувствия.

Можно ли мерить благородство деньгами? Индия за девять месяцев израсходовала на устройство 900 огромных временных лагерей для миллионов беженцев, на их пропитание и лечение несколько миллиардов рупий. А у нашей страны, как всем известно, лишних рупий никогда не водилось. Значит, от себя оторвала, от собственных детей для умирающих от голода. Это в характере Индии. И то, что она потом дала приют, расселила пришельцев, боявшихся вернуться в родные края, — это тоже в ее характере.

Одни тогда шли на запад, в индийскую Бенгалию, другие — вверх по великой Брахмапутре, которая, вырвавшись из гималайских теснин, раздольно блуждает между дивных гор и холмов Ассамы по равнинам, заросшим джунглями. Люди оседали, получали землю, обстраивались. В штатах северо-востока Индии — Ассаме, Трипуре, Манипуре, Мегхалайе — возникали новые деревни.

Так вот, в ночь на 6 июня 1980 года мандайцы, засыпая, вспоминали все это в последний раз. Смерть вырвалась из тьмы со всех сторон — автоматными очередями, кинжалами, пылающими факелами...

Кто устроил это побоище? Об этом можно судить по показаниям В. Дж. Ранкала, «главнокомандующего» бандитского формирования «Армия Трипуры», который был схвачен правительственными войсками. Откуда взялась его «армия»? (За лето удалось выловить около двух тысяч головорезов.) Она была набрана в основном среди зеле-

На снимке: демонстрация в Дели; на плакатах написано: «Долой ось Пекин — США», «Индия — Вьетнам вместе». Фото И. КОВАЛЕВА

ной молодежи, которой сказали, что ей предстоит драться за «святое дело» — очищение Трипуры от «иностранцев» и создание независимого от Индии государства. Теоретическая подготовка состояла из чтения брошюр и листовок, в которых часто мелькали цитаты из «трудов великого Мао», особенно одна: «Власть рождается из дула винтовки». Неграмотных просвещала радиостанция, расположившаяся в горах на границе с Бирмой.

Там, на севере Бирмы, окопалось свое, бирманское воинство таких же послушников Мао, выступающих против правительства Бирмы. Там есть и многоопытные инструкторы, наезжающие из самого Китая. Ранкал регулярно отправлял группы новобранцев в их распоряжение, о чем свидетельствуют попавшие теперь в руки индийских властей так называемые «рекомендательные письма». Свежеиспеченные выпускники закордонной спецшколы возвращались в Индию горными тропами, сгибаясь под тяжестью амуниции и связок «теоретических пособий». Откуда оружие? На нем обратный адрес — клейма США и Китая...

Сейчас деревню Мандай называют «индийская Сонгми» (по имени южновьетнамской деревни, истребленной американцами). Правительство Индии постановило воздвигнуть на месте сожженной деревни Мандай мемориал в память о сотнях мужчин и женщин, стариков и детей, убитых бандитами.

За Мандаем последовала деревня Атхаракард. Почти тысяча убитых... Об этой трагедии рассказали очевидцы — несколько десятков крестьян, которым удалось ускользнуть из де-

ревни. В Трипуре пришлось срочно создавать лагеря для бенгальцев, бегущих от расправы. В них набралось к августу более 200 тысяч человек.

Утал кивает на стопку индийских газет:

— Здесь за те две недели, что я нахожусь в Москве. Почти в каждом номере мрачные новости с нашего северо-востока. Диверсии, убийства, шантаж, подстрекательство к антиправительственным мятежам. И, как правило, люди, сеющие смуту, прошли подготовку в Китае. В Тибете, возле Лхасы, и в провинции Синьцзянь действует множество «школ борцов освободительного движения в соседних странах». Недавно один индийский журналист спросил китайского посла в Дели, что он думает по поводу этой антииндийской деятельности китайской разведки.

Поместив эту фотографию, бомбейский журнал «Иллюстрейтед уикли оф Индиа» сопроводил ее следующей подписью: «Редкий кадр — китайский солдат следит за вертолетом ВВС Индии, совершающим облет индийской пограничной территории».

Посол с милой улыбкой ответил, что ему ничего о такой деятельности не известно. Вот так. А положение очень серьезное. Десятки тысяч людей были вынуждены бежать из своих домов куда глаза глядят. Коммунисты сочувствуют им и хотят облегчить их участь. Наша партия призвала демократические силы развернуть по всей стране сбор продовольствия, одежды и медикаментов для пострадавших.

— Итак, главный пункт антиправительственной агитации на северо-востоке Индии — это проблема беженцев из Бангладеш?

— Сейчас да. Китайская агентура играет в первую очередь на этом больном вопросе, чтобы раздуть межнациональную и религиозную вражду. На северо-востоке живет множество народностей и племен. При англичанах этот край был на положении золушки. Колонизаторы отсюда только вывозили (чай, джут, шелк, ценную древесину, бамбук), но ничего не давали взамен. Республике достался в наследство такой клубок проблем, который за тридцать лет при всех стараниях размотать еще не удалось. Северо-восток все еще одна из самых запущенных, отсталых окраин Индии. А ведь природа его не обделила. Один Ассам дает третью часть нефтедобычи Индии и больше половины производства чая. И все же уровень жизни здесь отстает от среднеиндийского.

Помножьте скопившуюся за века обиду на национальное самолюбие местного населения — и тогда хотя бы в общих чертах станет понятно, на чем спекулируют китайцы. Вот уже двадцать лет они ведут подрывную работу среди горных племен нага, мизо и других, призывая их к отделению от Индии и образованию «независимых» государств. Лицемерие беспредельное! Кто бы говорил о любви к малым народам, только не Пекин! Не куда-нибудь, а в Индию бежали тибетцы от его карательных частей и политики китаизации Тибета.

Не знаю, верят ли в Пекине всерьез, что удастся оторвать от Индии ее северо-восток, создав там карликовые «независимые государства». Но в напряжении китайцы держат нас постоянно — с 1962 года, когда они захватили 36 тысяч квадратных километров нашей территории. Впрочем, даже раньше, в 1954 году, они выпустили «Научную географическую карту» «утраченных» китайских территорий. Оказалось, что буквально все государства, граничащие с Китаем, «должны» ему землю. Неру тогда возмутился и написал Чжоу Эньлаю, что крайне удивлен, так как никогда не подозревал о существовании пограничного вопроса между нашими странами.

— Какова позиция коммунистов в вопросе о событиях на северо-востоке?

— Мы считаем их опасными для национальных интересов страны. Стараемся разъяснять населению, что за спиной сепаратистов стоит Пекин, действующий сообща с ЦРУ.

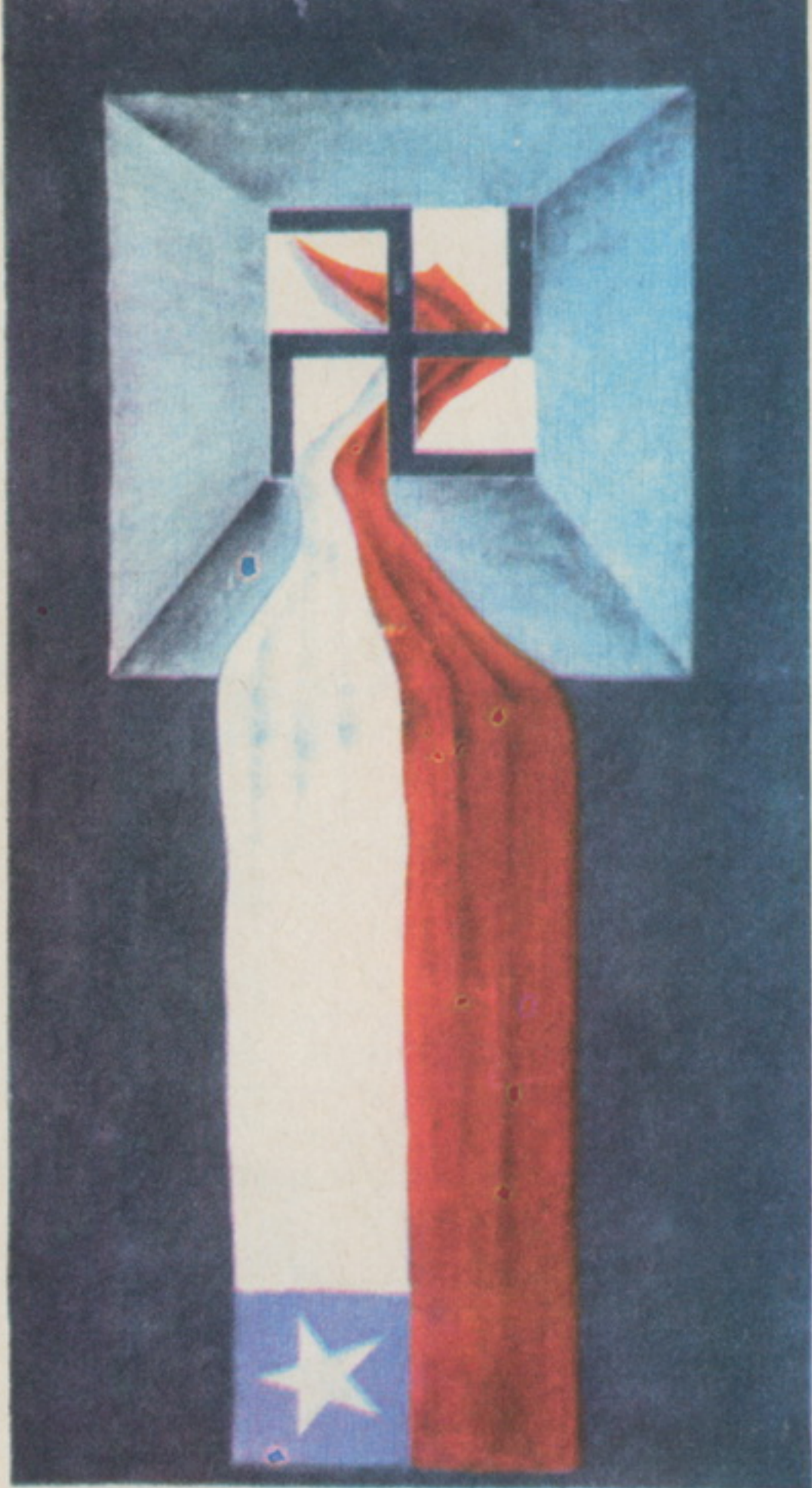
— Не опасно ли заниматься этой работой?

— Да, очень, немало наших товарищей уже поплатились жизнью. Например, в марте 1980 года среди бела дня был подло убит один из лидеров компартии в штате Манипур. Это произошло в разгар кампании по выборам в местные органы власти. Надо сказать, что позиции коммунистов в этом штате довольно сильны — из двух мест от Манипура в центральном парламенте Индии одно занимает депутат от КПИ. Ветеран компартии товарищ Видасингх баллотировался кандидатом в депутаты местной ассамблеи. В два часа дня он вышел из штаб-квартиры компартии, к нему подбежали четверо неизвестных и выстрелили в упор. Это преступление взбудоражило весь штат. На всех предприятиях состоялись забастовки протеста. Убийц до сих пор не нашли, но ряд улики ясно свидетельствует, что они из тех, кто «побывал на той стороне», то есть в Китае.

В соседних штатах тоже не прекращаются нападения на коммунистов, на прогрессивно настроенных рабочих, студентов, преподавателей. Одна из самых крупных газет Индии, «Таймс оф Индиа», писала по этому поводу, что все сепаратистские организации считают своим главным противником коммунистов.

Конечно, наша партия стоит за то, чтобы отношения с Китаем были нормализованы, а пограничная проблема решена. Но поступиться ради этого дружбой с Советским Союзом, с прогрессивными режимами, как того хотят в Пекине, Индия не хочет и не может. Индийцы хорошо помнят, что именно СССР оказывал Индии поддержку в трудные для нее времена, не случайно опросы общественного мнения, регулярно проводимые у нас с середины 60-х годов, называют СССР страной, пользующейся в Индии наибольшим доверием. Последний такой опрос состоялся в августе 1980 года в пятнадцати крупнейших городах Индии. Было предложено ответить, какой из четырех стран — СССР, США, Англии или Китаю — индийцы доверяют больше всех и какой из них меньше всех. Оказалось, что менее всего в Индии склонны доверять Пекину. А Советский Союз — и это никого не удивило — снова занял первое место на шкале доверия. Отношение народа Индии к вашей стране проявляется и в том, с какими теплыми чувствами наш народ воспринял визит в Индию товарища Л. И. Брежнева.

Записал Б. КЛИМАНОВ

СВОБОДУ УЗНИКАМ ЧИЛИ!

Мануэль ГЕРЕРО,
генеральный секретарь
Коммунистической молодежи Чили
за рубежом

— Приходилось ли вам применять огнестрельное оружие?

— Нет, но я умею им пользоваться. Могу стрелять из пистолета, автомата...

— В вас когда-нибудь стреляли?

— Единственный раз, во время ареста.

— Вы были ранены?

— Да, конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что стреляли в упор.

...В декабре 1976 года он выехал из Чили. Это произошло сразу после того, как его освободили из заключения в лагере «Трес аламос». До заключения в лагерь он работал в подполье в течение трех лет и четырех месяцев.

Мануэль Гереро согласился дать интервью для «Ровесника». Он готов в подробностях, самых мельчайших, описать события прошлых лет. Но сегодня его жизнь не принадлежит ему самому...

Наступит время, когда о ней станет известно в Чили всем. Биографии людей, таких, как Гереро,

«Я НЕ БЫЛ В СПИСКАХ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ...»

станут известны народу, ради которого они идут на лишения, жертвы.

— ...Я шел с женой по улице Флорида (это в народном районе Сантьяго). Было солнечно, но прохладно. Когда идешь по улице, стараешься смотреть по сторонам, в себя не углубляешься — мало ли что. Сколько наших товарищей пропали без вести за эти годы во время ранних прогулок по городу!

«Ровесник» писал об этом¹. Мы напомним читателям вкратце. Мануэль Гереро был схвачен агентами ДИНА, военной контрразведки, прямо на улице на глазах у жены. Ему грозила участь тысяч: попасть в списки «без вести пропавших», без вести погибших в страшных лагерях. В него стреляли в упор на людной улице, тут же, на улице, заковали в наручники, бросили в машину, увезли. Кто-то запомнил номер машины — это был светло-зеленый «рено». Так началась история мучений Мануэля Гереро и история его спасения. Он прошел этот путь, испытал то, что выпало испытать тысячам людей в Чили.

В 1976 году Пиночет вынужден был закрыть некоторые лагеря. Это было сделано под давлением мировой общественности. В прессе было объявлено, что в Чили нет политических заклю-

¹ «Ровесник», 1977, № 9.

ченных, но закрыли только самые известные лагеря. Большинство освобожденных в те дни, как оказалось, не были осуждены официально. Людей хватили на улице «именем закона о государственной безопасности». Мануэль Гереро, рядовой политзаключенный (один из тысяч), знает, как проводится в жизнь этот бесчеловечный закон. Из «Трес аламос» его перевели в «Пучункави», новый концлагерь... Потом в форт «Сильва Пальма», в Вальпараисо, старинную тюрьму, памятник колониальных времен. Фашисты превращали в концлагеря памятники старины и стадионы.

Он должен был, по расчетам фашистов, затеряться среди мертвых. Благодаря усилиям многих людей (начиная с безымянной женщины на улице Флорида, которая запомнила номер «рено») его имя не попало в злобные списки, он был спасен. И с этого времени его жизнь уже не принадлежала ему, всю жизнь он должен был продолжать борьбу.

— Некоторые, кто долго живет за границей, уже забыли многое, что связывало их с прошлым, им кажется, что о них все забыли. Встречаясь с этими людьми, я стараюсь убедить их, что они не забыты. В Чили, наверное, нет семьи, в которой не было бы беженцев.

В Чили, несмотря на все запреты, есть комитеты родственников казненных и родственников без вести пропавших. Диктатура старается разрушить эти организации, но они появляются как грибы. Сегодня Чили как человек убитый горем, к которому люди идут на помощь...

В те дни, когда диктатура отмечала семилетие своего правления, английский журналист Хью О'Шонесси из «Файненшл таймс» писал: «Сантьяго похож на некрасивую женщину, которая прибегает ко всевозможным косметическим ухищрениям, чтобы выглядеть лучше. Фасады зданий правительственных учреждений заново покрашены и по вечерам подсвечиваются прожекторами. Метрополитен чистый, действует быстро, витрины дорогих магазинов сверкают... В то же самое время в Сантьяго живут дети, ничего не знающие о своих родителях, голодные дети, дети с глазами, полными страха...»

Известно, что в день проведения так называе-

мого референдума, затеянного с целью придать диктатуре видимость законности, на улицах Сантьяго, на всех перекрестках, стояли подготовленные для уличных боев карабинеры в шлемах с забралом, вооруженные автоматами. Карабинеры были и на участках, где проходило голосование.

— Как вы оцениваете положение фашистской хунты сегодня?

— У хунты меньше сил, чем было раньше, хотя генерал Пиночет рассчитывает пробыть у власти еще как минимум одиннадцать лет.

Пиночет утверждает, что в стране усиливается «движение народных масс», проникнутых идеями «национал-социализма». Он стремится создать о себе за рубежом представление как о деятеле, готовом допустить в Чили либерализм «в разумных пределах». Между тем известны факты: людей, арестованных за «агитацию на рабочем месте против проведения референдума», пытали, один скончался во время пыток. Из четырех тысяч прошений об обжаловании, поданных незаконно арестованными гражданами, было удовлетворено лишь одно, однако и этот человек в конце концов не был освобожден. Он просто исчез: его фамилия перестала фигурировать в списках, и только. Аресты, пытки, репрессии и «исчезновения без вести» — все это существует все семь лет режима Пиночета. Данные, опубликованные в результате «референдума» и якобы демонстрирующие поддержку Пиночета большинством избирателей, невозможно проверить. Этим данным невозможно верить. (Карабинер у урны для голосования...)

Что может рассказать товарищ Гереро о себе? Пока очень немного.

Когда-нибудь мы узнаем о нем больше. Во время нашей встречи в Москве Мануэль Гереро дал почитать свой рассказ. Он написан от первого лица. Это автобиографический рассказ? Не только. Героем может быть назван всякий, кому пришлось испытать в Чили страх исчезнуть без вести, кому пришлось собирать все силы, чтобы выжить, все мужество выжить, все мужество верить.

Мы публикуем этот рассказ.

Записала Н. НИКОЛАЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ В БОЛЬНИЧНОМ КРЕСЛЕ

Мануэль ГЕРЕРО

В здании, где я находился, звуки жили своей собственной странной жизнью; приглушенные и невнятные, они долго раскатывались, перекликались и замирали в пустых и гулких коридорах. Напрягая слух, я слышал прерывистые и глухие удары сердца — погребальный звон по убитым надеждам, счастью и жизни. Время сочилось предательски медленно, капля за каплей, застилая сознание тяжелой глухой пеленой. И не было сил унять слезы, ручьем стекавшие по щекам. От слабости меня бил озноб, измученное тело дрожало и напрягалось как струна. Сердце стучало

как взбесившийся метроном, готовое выскочить из груди.

Сильные руки подхватили то, что некогда было моим телом, и крепко усадили меня на жесткое кресло. Страстное желание увидеть эти руки и лица овладело мной. Я отчаянно замотал головой, стараясь высвободиться из-под белой простыни, которая плотно, как саван, окутывала меня с головы до ног.

— Не дергаться! — веско и строго прозвучало над головой.

Безмерное одиночество охватило меня. Кресло

плыло через неведомые и гулкие пространства, чужой и странный мир мягко, вкрадчиво обволакивал меня, подхватывал, нес, баюкал мое бесплотное тело. Несвязной, путаной чередой тянулись обрывки мыслей, размытые временем воспоминания, неясные слепые контуры чьих-то лиц. Смятение и хаос владели мной.

К чему я пришел, чего добился? И где они, мои друзья, мои верные соратники? Что случилось с теми, за кого я пролил кровь? Помнят ли они обо мне?

(Боль подкралась неслышно, как опытный бандит. Когда она насытится и уйдет?)

Где взять мужество, когда видишь, что жизнь уходит, как песок меж пальцев, когда боль уже не абстракция, а жестокая реальность?

Я должен сражаться до последнего вздоха, я дал обет быть среди тех, кто верит в мужество и победу.

— Не увозите его! Не надо! — отчаянно закричал женский голос.

И этот вскрик жалости вспышкой прорезал темноту, горячей волной докатился до сердца и вновь пробудил в нем надежду. В кромешном аду, где жили люди без имени, где царили беззаконие и утонченное зверство, блеснул слабый и робкий луч милосердия.

Я не был одинок: рядом билось и страдало такое же сердце, лились такие же слезы, и боль моя была частицей общей боли.

Что это было — проблеск человечности в бесчеловечном мире или иезуитская уловка? Быть может, мои палачи лицемерным состраданием хотят заманить меня в ловушку? Не верю в это. Ведь должен найтись в этой своре нелюдей хоть один человек!

Назойливый скрип колес снова вернул меня к реальности. Куда меня везут? Что со мной будет?

Память воскресила самые дорогие мне образы. Сынишка, жена... Что там с ними? Конечно, ждут, надеются, верят. Ради них стоит жить и бороться, терпеть и не сдаваться. Мои друзья, живые и мертвые, как я мог забыть о них, поддаться постыдной слабости, впасть в панику! Я не один — нас много. Я вспомнил, как победно и гордо бились на ветру красные флаги, вспомнил о великом братстве обездоленных и униженных, о нашей общей победе, о надеждах на лучшую жизнь.

Таковыми мы были, такими мы есть. Могут убить меня — нельзя уничтожить нас.

«Уж больно ты ударился в патетику, — усмехаюсь я, — что было, то прошло, а остались скрипящая каталка и забинтованная кукла, которая все-таки не хочет умирать».

До переворота мы часто обсуждали возможность ареста и пыток.

Мы знали, что это конец, смерть, над нами всегда нависала эта зловещая тень, угрожая неведомым, и мы приучили себя не замечать ее, не думать.

(Между воображаемым и реальностью — пропасть, утыканная неожиданностями, как еж иголками. Мы знаем лишь сегодняшнее, сиюминутное, не ведая, что принесет нам следующее мгно-

вение. Имейте мужество. Смятение, боязнь неизвестного — удел слабых душ.)

Воспоминания обволакивали меня защитной пеленой, спасая от реальности.

...В Бульнесе зимней порой немилосердно хлестал ливень, лишь на упряжке волов можно было проехать сквозь месиво грязи. Смеркалось рано, мутный свет редких фонарей бесследно растворялся в вечернем мраке. Ночи были черны и безлюдны. Мы с сестрой пробирались темными переулками, прыгая через лужи, освещая себе дорогу фонариком-жучком. Либертад (то есть Свобода) — так звали мою сестру. Не уstraшенная ни ливнем, ни полицией, каждый вечер она разносила по крестьянским домам газету «Эль Сигло» (газета Коммунистической партии Чили. — Ред.) Чтобы развеять мой страх, она рассказывала мне разные истории, напевала песенки, весело смеялась, когда я спотыкался. Либер не нужна была моя помощь, но в свои ночные походы она всегда брала меня, чтобы не чувствовать себя одинокой. Продрогшие, мокрые, мы стучались в крестьянские дома, пропахшие дымом, жженым сахаром и мате — напитком бедных, — его пили, чтобы согреться и заглушить голод. Надо было видеть эти огрубевшие крестьянские лица, освещенные радостной улыбкой, чтобы понять, как нужна им была наша газета. Выставлялось на стол бесхитрое угощение —

Рис. Н. БЕНУА

нас, почтальонов надежды, встречали как дорогих гостей. Нашей радости не было предела, когда, измученные и озябшие, мы переступали порог нашего дома. Нас ждал жаркий огонь очага, улыбка матери и, даже если было очень туго с деньгами, — чашка горячего чая и румяная лепешка.

(Стоит мне закрыть глаза, и я вижу наш старенький глинобитный домишко, просторный двор с раскидистым царственным апельсиновым деревом; его густая прохладная тень была моим крохотным детским раем, где быстро высыхали слезы и забывались обиды.

Когда-нибудь я вернусь в свой дом, и, даже если от него не осталось ни камня, я все равно отыщу то старое апельсиновое дерево, под которым прошло мое детство.)

В памяти вставали все новые и новые картины: жаркие споры над передовицей «Эль Сигло», наши долгие странствия с отцом по всей Чили — он был писателем, издателем, продавцом книг и в свои путешествия всегда брал кого-нибудь из нас. Он рассказывал нам о партии, ее истории, победах и поражениях, от него мы унаследовали ненависть к несправедливости и великий дар сострадания к людям. Он научил нас чувствовать прекрасное. Я помню, как однажды на закате, когда вечерний воздух напоен всеми земными ароматами, мы увидели из окна вагона сказочно красивую радугу. Мы вышли на полустанке и, изумленные, застыли перед этим чудом, не заметив, как тихо тронулся и исчез вдали поезд. Я помню отцовские нескончаемые разговоры с крестьянами из окрестных деревень. Отбросив всегдашнюю замкнутость и настороженность, они распахивали перед ним свои души, видя в нем заступника.

Я прирос сердцем к этим людям и не могу без них. Мой народ, партия, семья, моя человеческая суть — единая и неразрывная нить.

...Кресло резко повернуло, толчки колес по булыжной мостовой болью отозвались в моем теле. Я слышал смех, обрывки разговора — привычный шум людской жизни. Я представил, сколько любопытных взоров останавливалось на мне во время этого путешествия, хотя едва ли, — здесь давно уже бродит смерть — здесь трудно чем-нибудь удивить.

— Не увозите его, не увозите! — звенел у меня в голове женский голос, голос той женщины, которая, пересилив ужас, протянула мне руку дружбы и сострадания. Страха не осталось и следа, я чувствовал, как в меня медленно вливались сила и мужество, вера и надежда.

Путешествие пришло к концу. Кресло остановилось, меня подняли, бесцеремонно, как мешок, свалили в машину, которая резко рванула с места.

Держись, Педро Гонсалес, путешествие продолжается!

Я не знал, куда мы едем, но не чувствовал себя одиноким.

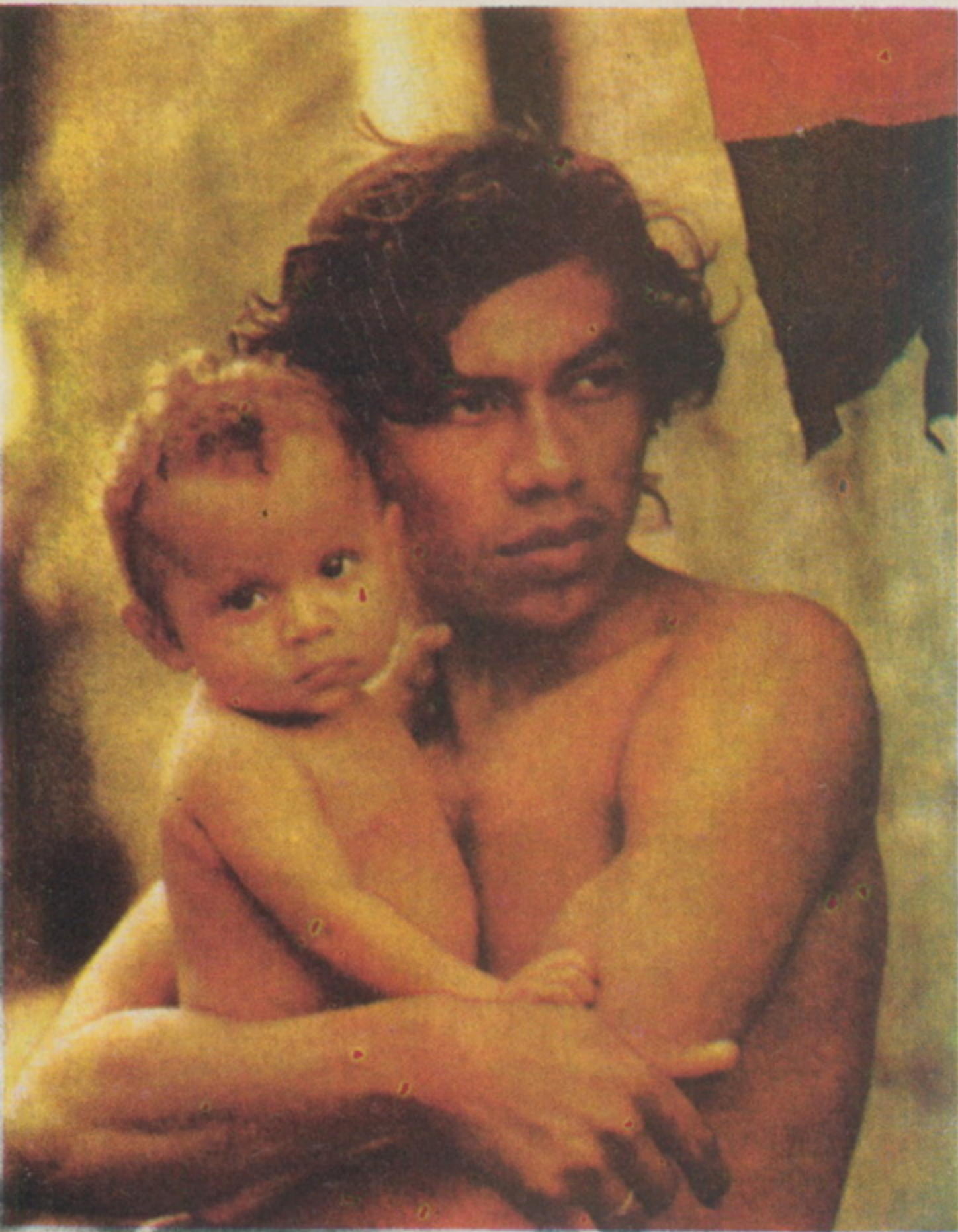
Перевел с испанского В. ТУЗ

НИКАРАГУАНСКИЙ ДНЕВНИК

Ян КАШПАР,
чехословацкий журналист

По договоренности между Союзом сандинистской молодежи имени 19 июля и Международным союзом студентов в 1979 году была создана международная бригада из 22 человек, знающих испанский язык. Эта бригада взяла себе имя Оливерии Кастаньеда де Леона — руководителя гватемальских студентов, убитого полицией в 1979 году. Интербригадисты влились в народную армию по ликвидации неграмотности в Никарагуа, их задача была учить никарагуанских крестьян читать и писать. Я был членом бригады от Чехословакии. В марте 1980 года мы все собрались в Манагуа.

1. МАМА ЭРЕРО

9 марта. Был это мой первый день и первая ночь в Никарагуа. Я стоял в круге света от единственного фонаря Центральноамериканского квартала столицы. Рядом со мной стоял Эреро, это была его фамилия, и я никак не мог привыкнуть к его имени. Звали его Бисмарк. Мы ждали Густаво. Из соседнего дома доно-

силась тихая песня. По освещенному кругу пробежала ящерица. Ветка мангового дерева вываливалась из тьмы тропической ночи и висела просто в воздухе. Прямо на нас выбежал ободранный пес, Эреро швырнул в него камень, и из тьмы возник Густаво в белоснежной выглаженной рубашке. Он подал мне левую руку, рукав правой был пустой. Проследив за моим взглядом, Густаво сказал:

— В августе. В первом восстании. А знаешь, что я делал, когда было второе восстание?

— Что? — спросил я.

— Стрелял левой! — выкрикнул Густаво, присвистнул, топнул и показал мне, как он стрелял левой.

Эреро очень спешил, и это промедление выводило его из себя. Нам предстояла долгая дорога, а было уже поздно. Он тронул Густаво за плечо, и мы вошли во тьму.

Я был в Никарагуа с начала марта до конца мая 1980 года. Предполагалось, что я проведу три месяца в горах, буду учить крестьян читать и писать, а сам буду учиться жить в экстремальных условиях, отдаленных на столетия от пражской цивилизации.

Получилось в действительности совсем не так, но об этом я расскажу потом, потому что 9 марта я еще ничего об этом не знал и шел между Эреро и Густаво в чей-то дом. Эреро взял Густаво потому, что тот знал, где этот дом.

Эреро командир одной из колонн народной армии по ликвидации неграмотности, которая через две недели выезжает в горы. В армии — 80 тысяч бойцов, в колонне — 100 (самому младшему 12 лет, самому старшему — 18), и Эреро несет за них ответственность уже сейчас.

Густаво дом нашел. Эреро постучал. Дверь открыла встревоженная женщина лет сорока. Революция в Никарагуа родила свою лексику, и Эреро пользовался только ею. Сейчас он сказал:

— Разреши войти, сестра.

Женщина посадила нас на длинный диван, а сама села на деревянный стул с высокой спинкой.

— Что вы хотите?

У нее был удивленный вид. В действительности она хорошо знала, зачем мы пришли, и Эреро не стал тратить время на обмен вежливостями. Эта женщина — мать тринадцатилетнего члена колонны Эреро, который убежал из дома и спрятался у Густаво. Парень сказал Эреро, что хотя мать и не пускает его в горы, но он готов выполнить свой революционный долг.

А мать действительно не хотела отпускать его в горы. Эреро стал убеждать ее, и она заплакала. Роберто — это единственное, что у нее есть. Старший сын погиб во время восстания, муж убежал в Мексику, спасаясь от национальных гвардейцев Сомосы, и там сгинул. А Роберто такой болезненный мальчик, в горах через два дня он погибнет от усталости и тоски по дому. Эреро ее выслушал и даже не шевельнул бровью.

— Если это все твои доводы, то это очень слабые доводы, потому что то же самое может сказать каждая мать в Никарагуа, — сказал он строго и дальше свою мысль пояснил так. Каждая семья в Никарагуа заплатила за освобождение жизнью своих близких. Погибали совсем молодые и даже дети, потому что и они воевали против Сомосы. Физическая слабость детей в Никарагуа — это общеизвестный факт, вызванный низким экономическим уровнем и недостатком продуктов. Если бы так, как она, к кампании по ликвидации неграмотности относилась каждая мать, народная армия ликбеза перестала бы существовать, крестьяне никогда не выучились бы читать, а революция потеряла бы всякий смысл, положение народа и экономические условия стали бы совсем ужасными, а он, Эреро, уверен, что она этого всего не хочет.

Мать Роберто энергично подтвердила, что, конечно, она всего этого не хочет.

Эреро продолжал:

— Ты прекрасно понимаешь, что никто и ничто не может заставить тебя отпустить сына в горы. — Особенно он нажимал на то, что он вовсе не пришел уламывать ее

переменить свое решение. Он просто хочет объяснить ей, что если она будет стоять на своем, она сына потеряет, потому что в свои тринадцать лет он настоящий революционер и после такого унижения (запрет выполнить свой революционный долг) он бы перестал уважать и себя, и свою мать.

Женщина задумалась, конечно, она не хотела унижить сына. Ее Роберто не какой-то там маменькин сынок, отсиживаться у матери под юбкой он не станет. Она надеялась его отговорить от поездки в горы, ведь революционеру и в городе дело найдется. Но теперь она понимает, что это с ее стороны был эгоистический шаг.

— Конечно, он пойдет,— сказала женщина.— Он хочет пойти. Вот уже несколько недель готовится. Спит только по пять часов, ежедневно бегаёт километров пять. Читает педагогические учебники и «Манифест Коммунистической партии». Да, он уже настоящий мужчина. Одно только мне не нравится,— и она показала в угол комнаты. Там лежал битком набитый рюкзак.

— Как домой придет, наденет его на спину и не снимает.

— Это чтобы плечи привыкли к ремням,— пояснил Эреро.

— Я знаю, только подними-ка его.

Эреро поднял рюкзак и тут же уронил его на пол. Дом заходил ходуном. Рюкзак был набит камнями.

— Роберто действительно переборщил,— заметил Эреро и заверил женщину, что утром он объяснит ему, что не надо свою преданность революции подтверждать таким суровым способом.

Мы прощаемся. Женщина успокоилась, видно, что она гордится сыном.

— Прощай, сестра,— говорит Эреро.

Густаво идет домой, нам в другую сторону. Эреро оглядывается на дом и говорит:

— Бедняжка!

Эреро через месяц будет шестнадцать (а Густаво неделю назад исполнилось пятнадцать), во время восстания 1979 года они оба были бойцами.

Я жил в доме у Эреро четырнадцать дней. Это чистенький белый домик в квартале Инмобилиария. Отец Эреро (его зовут Дионисио) работает на фирме «Тексако», а мама ведет хозяйство и воспитывает детей: трех дочерей и моего Эреро, то есть Бисмарка. Один сын и одна дочь живут отдельно, каждый со своей семьей. Третий сын Роберто (двадцати одного года) погиб в 1979 году во время восстания. Его фотография висит в гостиной дома Эреро, и о его гибели говорят как о чем-то логически необходимым.

Однажды вечером в доме остались мама и я. Она шила на машинке, а я читал. Было тихо, и вдруг стало еще тише, замолчала машинка. Я оглянулся. Мама, положив голову на руки, плакала. Я растерялся и не знал, что делать. Встал и подошел к ней. Она, услышав мои шаги, выпрямилась, и машинка снова застрекотала. Я обнял ее за плечи и спросил, что случилось.

— Ничего. Вспомнила о Роберто,— тихо сказала она. Мама понимала, что Роберто погиб достойной смертью, но ее боль от этого не становилась меньше.

В первый мой день она сказала:

— Этот дом — твой дом.

И это надо было понимать в самом буквальном смысле: никто меня не угощал за столом, и никогда мне не предлагали кофе или лимонаду. А когда я однажды попросил что-нибудь попить, она показала мне на холодильник и повторила: «Этот дом — твой дом». И действительно, ведь в собственном доме человек не просит попить или поесть, а идет и сам берет что хочет.

Однажды она сказала:

— В прошлом году у меня было семеро детей, пока ты не приехал, стало шесть, а теперь опять семь.

И все мы были братья и сестры, а ей и старшему Эреро — дети. Мама знала, что я из Чехословакии и что это социалистическая страна. Я ей объяснил, что это значит, и она все приняла как само собой разумеющееся.

Как-то она пришла с покупками и была чем-то озадачена. Проблема была вот в чем. Среди соседок есть женщины, которым нечего делать. А теперь вдруг у них появилась тема для пересудов — ее седьмой ребенок, то есть я. Сначала они думали, что я студент, а когда узнали, кто такой, замучили маму: чтобы была осторожна со мной, не спускала с меня глаз. Потому что опасность велика (от меня). Потому что я атеист и коммунист, а это все равно что сам дьявол.

— Надо с этими глупыми бабами что-то делать, сынок,— сказала мама.— Пойдешь вечером со мной на собрание. Ты должен им доказать, что ты нормальный человек.

Это было собрание сандинистского уличного комитета. В комнате собрались одни женщины. Когда мы пришли, собрание было в полном разгаре, а мое «дело» назначено последним вопросом повестки дня. Я сел в уголок и стал смотреть и слушать. Единственным мужчиной здесь был председатель комитета.

— Милые дамы...— начал он.

— Было бы лучше, брат, если бы ты с нами говорил языком революции. Мы твои сестры и товарищи,— решительно перебила его женщина, ее черная кожа отливала синевой.

— Милые сестры,— начал он снова,— мы сегодня собрались в этом доме, чтобы разрешить наши задачи. А так как наша революция — демократическая революция, мы будем сначала их обсуждать...

— Повтори, повтори еще раз, чтобы мадемуазель Гонсалес слышала,— перебила его старушка в черном.

— Позвольте,— пошла в наступление мадемуазель Гонсалес.— Если у меня есть собственность, это еще не значит, что каждый может судить о моем отношении к революции.

— Не «может», а должен,— отчеканила старушка.

— Итак, милые дамы... дорогие сестры,— снова обратился председатель,— давайте продолжим, времени у нас мало, а мы еще ничего не решили.

— Брат, нельзя накладывать рамки на дискуссию, ты говоришь как бюрократ,— резко вступила девушка в больших темных очках и ярко-голубых шортах.— Пусть женщины говорят...

— Сестры,— повысил голос председатель,— вернемся к нашему делу. Мы должны купить средство от москитов для детей нашей улицы, которые поедут в горы. Мы должны демократически решить, кто возьмется собирать деньги, кто купит и сколько бутылок надо купить.

— А по сколько будем собирать денег? — спросила мадемуазель Гонсалес.

— Вы слышите, что она говорит? — выкрикнула все та же старушка.

— Позвольте, но ведь это главный вопрос,— не отступила мадемуазель Гонсалес.

— Мадемуазель Гонсалес права,— сказал председатель.— А ты,— обратился он к старушке,— свой яд оставь для дома, а на собрании он не нужен.

— Так сколько? — спросила мама Эреро.

— Это зависит от того, сколько человек пойдет в горы,— сказал председатель.

— Я это и спрашиваю,— сказала мама.

Дискуссия продолжалась, а я сидел в углу и чувствовал себя счастливейшим человеком на земле. Ибо есть ли большее счастье, чем видеть, как работает революция, как она раскрепощает людей, причем людей абсолютно конкретных, имеющих свое к ней отношение и свои в ней интересы. Эти женщины впервые в своей жизни (после сорока лет диктатуры) начинали учиться начальным правилам демократии, и эта учеба давалась им нелегко. Через год дело пойдет у них уже лучше, и такие проблемы, как покупка средства от москитов, они будут сметать со стола за пять минут. Сейчас им на это понадобился час. Мадемуазель Гонсалес соберет деньги, а мама Эреро купит снадобье. Оказалось, что они обе знали «сколько».

Наконец пришла и моя очередь. Женщины засыпали

меня вопросами и, убедившись, что я не дьявол, предложили, чтобы я провел хотя бы неделю в каждом доме на этой улице. Я согласился. Но обстоятельства сложились иначе. Я переехал из дома Эреро в другой квартал. И долго не мог выбраться навестить маму. Когда я пришел, мой Эреро (Бисмарк) и старшая из трех сестер, Анна-Мария, были уже три недели в горах.

— Что дети пишут? — спросил я маму. Но она показала рукой на холодильник и, только когда я поел, протянула мне письмо.

— Это от нашей Аниты, пишет, что с едой у них плохо, и я послала посылку...

Я спросил, а что пишет Бисмарк, но она что-то проворчала недовольно и подала мне сложенный пополам листок бумаги. Это была телеграмма на имя отца Эреро, и в ней шесть слов: «Родина или смерть. Мы победим! Бисмарк».

— Ты видишь? — огорченно проговорила мама. Я видел.— И так он всегда. Как я могу догадаться, что ему послать?

2. НА КРАСНОМ ВЕЛОСИПЕДЕ «БЕНОТТО»

Получилось так, что все три месяца я никуда из Манагуа почти не выезжал. Потому что работал в газете «Эль бригадиста» Союза сандинистской молодежи имени 19 июля. Газета в те дни выходила один раз в две недели тиражом 30 тысяч экземпляров.

23 декабря 1972 года одно из крупнейших землетрясений нашего века смело Манагуа с лица земли. Восемь лет спустя город имеет свой ни на что не похожий облик. Это несколько не связанных между собой районов. Многие новые дома имеют только первые этажи, а выше или арматура, или просто ничего нет. Официальные здания (банк, театр, Дом правительства, отель «Интерконтиненталь») стоят на пустырях среди вспученного асфальта, никаких тротуаров для пешеходов нет и в помине.

Перед новым правительством встала задача возродить столицу на пустом месте. Мог бы, конечно, начать строить и Сомоса, денег ему разные международные организации не пожалели, но он посчитал это лишней обузой.

Джульетта живет «четыре блока на север и два блока вверх от дома № икс». От мамы Эреро я переехал в дом «6 блоков на юг и два блока вниз от дома № игрек». Так обозначается в Манагуа адрес. Причем дом № икс или игрек считается центром данного квартала и располагается на месте, которое с большой долей допущения можно назвать центральным перекрестком. Манагуа город, где улицы не имеют названия, а дома нумерации. После победоносного восстания некоторым улицам и домам присвоены имена героев. Но столица к новым названиям еще не привыкла. Мерило расстояний в городе — блок. Это метров сто пустыря и два-три дома. Блок был мерилем и во время восстания. Тогда говорили: «У него ружье стреляет на четыре блока». Так что можно сказать, Джульетта жила на один выстрел от центра квартала.

Джульетта — жена доктора Мануэля Ароуса и своей общественной и домашней жизнью недовольна, считает ее серой и неинтересной. Во время борьбы с Сомосой все было по-другому. Она изображала буржуазную даму и преданную жену доктора, имевшего широкую практику среди так называемого среднего слоя. Они часто переезжали из города в город и каждый раз покупали дом и новую машину. Теперь каждый из этих домов может стать музеем освободительного движения: это были склады оружия и места встреч руководителей сандинистского движения. Моноло лечил, кроме своих пациентов, и раненых партизан. Джульетта вела революционное хозяйство, выхаживала раненых. Ей доставляет удовольствие вспоминать, скольким из нынешних министров и членов революционного правительства она штопала носки и пришивала пуговицы.

Пришла победа, мир, родился сын (Моноло-младший),

а Джульетте кажется, что она в свои 23 года никому не нужна. То, что ее бывшие друзья теперь не заходят к ней запросто на стакан лимонада со льдом, она считает верхом вероломства.

Пока Джульетта с глазами, полными слез, рассказывала мне о своих обидах, Моноло-старший сидел, зарывшись в медицинские книги и, казалось, нас не слышал. Наконец выкрики Джульетты об ушедшем золотом времени как будто разбудили его.

— Девочка,— сказал он и встал. Теперь Моноло мерил шагами комнату, а мы с Джульеттой сидели и слушали. А Моноло говорил: — Привыкни наконец, что война кончилась. Разница между восстанием и нынешним положением в том, что сейчас все во много раз сложнее. Умереть с винтовкой в руках — это прекрасно. Работать с утра до вечера — это тяжело. Твои старые друзья не приходят поболтать с тобой, теперь им необходимо говорить с людьми на площадях, на огромных митингах. И говорить так, чтобы их поняли. А на тебя они надеются, думают, ты и сама все понимаешь. Тебе сегодня революция нужна больше, чем ты ей. А если она тебе нужна, то пойми ее логику, приспособься к ее ритму, найди себе дело в новой ситуации, а не сиди на мягком диване, заливаясь слезами от жалости к себе.

Моноло еще постоял, посмотрел на нас обоих, подергал себя за усы и снова сел, перевернул страницу в толстой книге.

Как сказала мне Джульетта на следующий день, это была самая длинная речь в его жизни (двадцать восемь лет). Джульетта призналась, что она провела бессонную ночь, оплакивала свою пропавшую жизнь и бессердечность мужа, но к утру пришла к мысли, что Моноло прав и она может организовать что-то вроде маленьких детских яслей, где такие же матери, как она, будут по очереди дежурить с детьми, освобождая время друг друга.

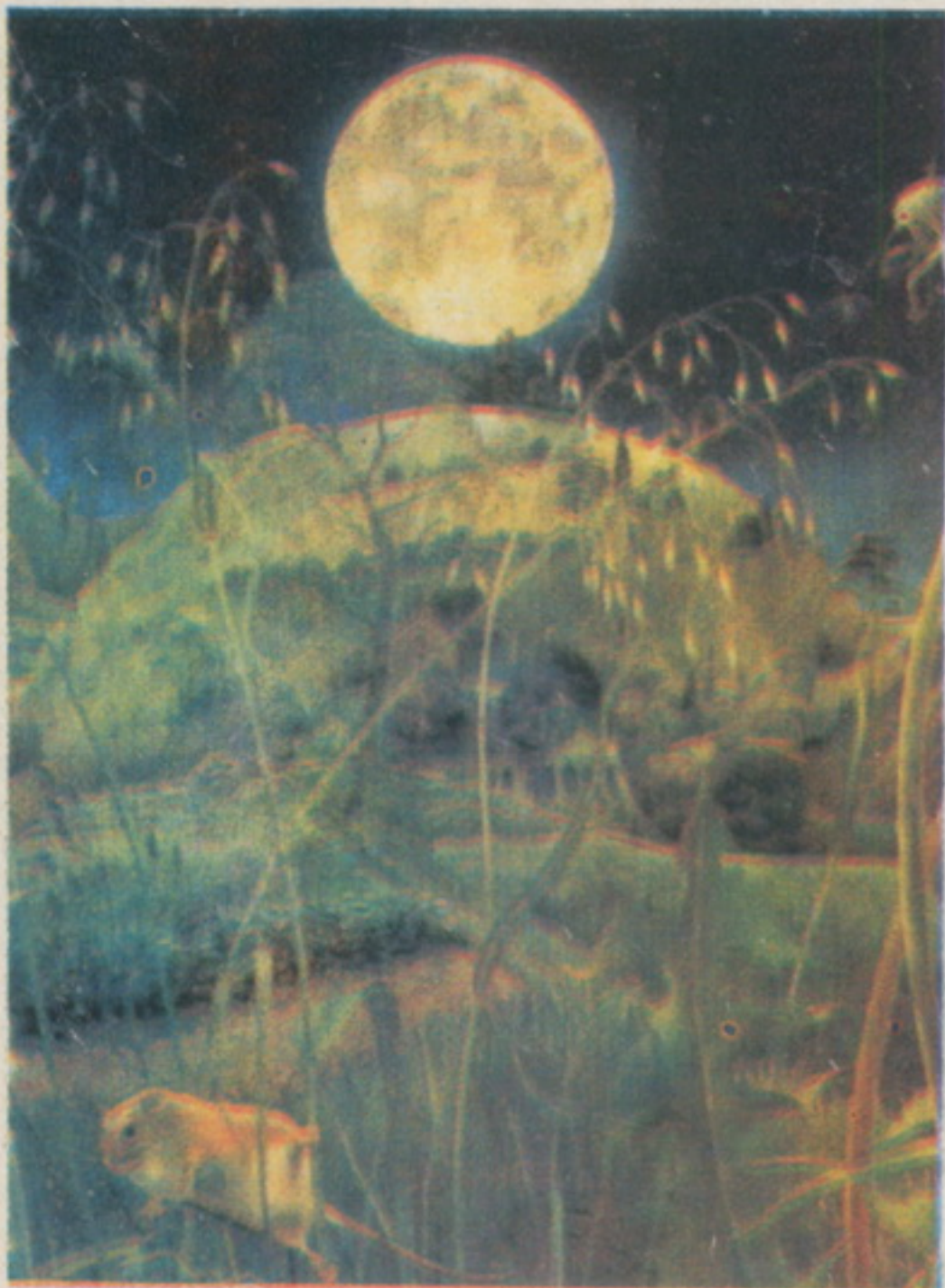
От мамы Эреро я переехал на бывшую виллу полковника национальной гвардии и ездил по городу на красном велосипеде «бенотто». На велосипеде были хромированный руль, белые крылья и небольшой моторчик. На вилле было десять комнат и три ванных. На вилле работало руководство Союза сандинистской молодежи. Я спал в одной из комнат с коста-риканским моряком, который имел привычку вставать в шесть утра. (Я считал такую демонстрацию силы воли проявлением революционного снобизма, потому что мы работали по 12 часов в сутки без суббот и воскресений, а за три дня перед сдачей рукописей в набор не спали практически ни минутки.) Начали мы выпускать газету втроем, потом нас стало пять, иногда в самом лучшем и счастливейшем случае нас было десять.

Когда мы начинали, у нас не было ничего, кроме ручки, бумаги и плаката. Плакат был для нас самым главным. Это была большая фотография Эрнесто Че Гевары и его слова: «Кто устал, должен отдохнуть, но тогда он никогда не будет воином революции».

Мне за двенадцать лет журналистской работы не раз приходилось проводить ночи за пишущей машинкой, и я довольно легко привык к ритму «Эль бригадиста», но кого мне было жаль, так это моих восемнадцатилетних коллег, когда к середине ночи они начинали засыпать над машинкой, пока наконец не стукались подбородком о клавиатуру. Тут они просыпались, поднимали голову, на них смотрел с плаката Че Гевара. А все они хотели быть настоящими воинами революции и поэтому сразу же продолжали работу. Этот плакат выковал из младших по возрасту сотрудников редакции людей, которые не знали, что такое нервы и, казалось, вообще не испытывали потребности в сне. Такая дисциплина позволяла, сколько бы нас ни было — три, пять или десять,— всегда выпускать газету вовремя.

Перевела с чешского Д. ПРОШУНИНА

(Окончание следует)

ГДЕ ЗАЯЦ ЗАРЫТ?

Жил-был один Художник. Рисовал он хорошо, а жил так себе. Люди не покупали его картин: они не знали, что он хороший Художник. Тогда он сочинил сказку про то, как красавица Луна влюбилась в Бога-Солнце и послала ему с зайчишкой Джеком золотую диадему, украшенную лунным камнем. А храбрый, но легкомысленный Джек обронил ее подарок, пока скакал по Англии. Сказка вышла веселая и немного печальная. На все свои сбережения (и в долги, наверное, залез, точно не знаем) Художник выпустил книжку с картинками и сделал зайчишку из чистого золота (15 сантиметров от носа до хвоста). Украсил он его драгоценными камнями и в ночь полнолуния закопал при свидетеле на метр под землей. Найти клад можно только по намекам да загадкам, которые Художник рассыпал по строчкам и картинкам своей книги «Маскарад». Художник и не думал, что его сказка так понравится мамам и папам и просто дядям и тетям: больше 400 тысяч книжек раскупили. Англию, говорят, всю перекопали. Уже год ищут. А Художник смеется: «Пусть себе ищут. Дети, те давно знают, где мой клад, да помалкивают». А сам уже новую книжку сочиняет. Опять с кладом.

Художнику теперь на краски хватает и даже больше. И теперь все в Англии знают, что он хороший Художник, и что ему 34 года, и что зовут его Кит Уильямс. И что он очень хитрый.

ОСТОРОЖНОГО АППЕТИТА!

Таково пожелание западногерманского журнала «Штерн» тем из его читателей, кто любит побаловаться телятиной. И не только им, но и покупательницам детских консервов. В ФРГ разразилась скандальная история. Оказалось, что многие владельцы скотоводческих хозяйств вводят телятам синтетические гормоны, ускоряющие их рост, но опасные для человеческого организма. Из восемнадцати боен в разных городах, как показало выборочное обследование, проведенное редакцией «Штерна», почти половина торгует телятиной, содержащей искусственный эстроген, который нарушает развитие детского организма.

Под суд попали пока мелкие сошки, которые уверяют, что знают ничего не знают и что их телят, «по-видимому, тайно кололи неизвестные конкуренты». Пищевые концерны угрюмо отмалчиваются...

А ЧТО РИСУЮТ?

А контакт мог бы и состояться...

(«Штерн», Гамбург)

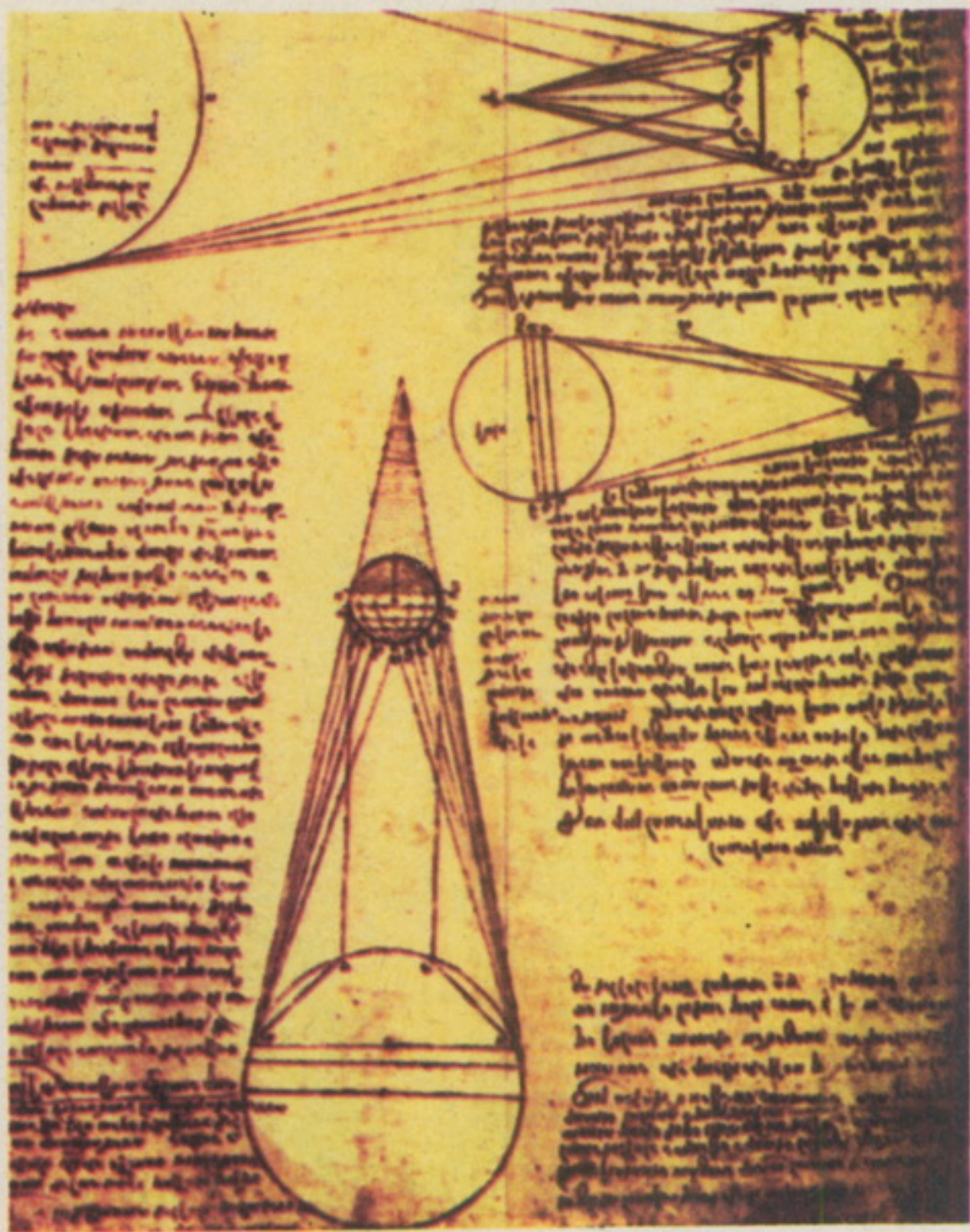
ИЗ ЗАЛА СУДА. Как известно, в 1633 году Галилео Галилей предстал перед святой инквизицией: ему было предъявлено обвинение в ереси. Как известно, Галилео Галилей был приговорен к пожизненному «домашнему аресту». Как известно, выслушав приговор, Галилей воскликнул: «И все-таки она вертится!»

Похоже, «она» действительно вертится: как сообщил журнал «Тайм», в конце октября 1980 года французский епископ Поль Пуар объявил, что церковь решила пересмотреть «дело Галилея». Кажется, есть надежда, что Галилей будет наконец оправдан.

О ПОЛЬЗЕ

КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВА

Американцы Олин Фрик и Джон Гэскью, вдохновленные рассказами о несметных морских сокровищах, извлекаемых счастливыми, и о еще более несметных сокровищах, ждущих своих счастливых, решили попытаться счастья. Нырjali несколько лет. Что-то находили, но, в общем, ничего серьезного. Поначалу не обратили они внимания и на остатки старого корабля, покоящегося в шестидесяти милях к северу от Гаити. На всякий случай все же посоветовались со специалистами. И оказалось, что это один из кораблей Колумбовой эскадры «Пинта», затонувший через восемь лет после открытия Америки. На снимке: Олин Фрик с моделью «Пинты».

КОМУ ДОСТАНЕТСЯ ЛЕОНАРДО?

Иллюстрированная рукопись Леонардо да Винчи, так называемый «Лестерский кодекс», заявлена к продаже на знаменитом лондонском аукционе «Кристи».

Эта рукопись с 1717 года была собственностью аристократического семейства Лестеров — именно тогда лорд Лестер приобрел ее во Флоренции. На сегодняшний день это последняя рукопись Леонардо, оставшаяся в частной коллекции.

Кто же станет новым владельцем «Лестерского кодекса»? То, что он не останется в Англии — очевидно. Ведь сумма, которую запросили за манускрипт на аукционе, так велика, что государству она оказалась не под силу. Не исключена возможность, что его купит парижский Лувр или же нью-йоркский Метрополитен, оказавшиеся наиболее кредитоспособными из крупнейших музеев Запада.

ЖАН ВАЛЬЖАН — НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Это произведение несчетное количество раз инсценировалось на театральной сцене и киноэкране. Сегодня Жан Вальжан, Козетта, Гаврош и другие персонажи «Отверженных» Виктора Гюго снова предстают перед зрителями — в рок-опере, поставленной известным французским актером и режиссером Робером Оссейном (советские зрители знают его по серии фильмов «Анжелика и король»). Музыка написал композитор Клод-Мишель Шенберг.

По мнению критиков, «Отверженные» выходят далеко за рамки обычной рок-оперы. «Это, — пишет итальянский журнал «Эпока», — грандиозное народное зрелище». Оссейн говорит о своей работе: «Театр — это оружие, которым я пытаюсь бороться с эгоизмом нашего мира. Зачем закрывать глаза и уши? Ведь и сегодня есть взрослые и дети, которые страдают ничуть не меньше, чем Козетта и Жан Вальжан».

Когда подрастал я,
О молоте мечтал я.
Я с молотом тяжелым
Сдружиться мечтал.
Разбил бы оковы
Я молотом пудовым,
И счастье этим молотом
Добрым людям всей планеты
Я бы ковал.

Из песни «Если бы у меня был молот», музыка Питера Сигера, стихи Ли Хейса.

ПЕСНЯ, ПРИРАВНЕННАЯ К ОРУЖИЮ

Дэвид ДАНАУЭЙ,
американский журналист

Когда песня приравнивается к оружию? Когда ФБР берет вас «под колпак» за то, что у вас нет специального разрешения на песню...

Как стало известно из недавно рассекреченных документов Федерального бюро расследований, «Ткачи» стали первыми из американских музыкантов, на которых ФБР завело дело по «подстрекательству и распространению антиправительственной пропаганды». Тридцать лет назад, когда охота на «красных» соперничала с бейсболом за право называться главным национальным видом спорта, члены этого ансамбля подверглись со стороны ФБР травле, сравнимой разве лишь с той, которую испытал на себе позднее Мартин Лютер Кинг.

Чтобы понять, почему же «Ткачи» оказались столь опасными, давайте вернемся в тот день, когда в США состоялась первая по-настоящему крупная антикоммунистическая вылазка.

Едва забрезжил рассвет воскресного утра 4 сентября 1949 года, колонны автомашин потянулись из Нью-Йорка в пригородный курортный городок Пикскилл, где должен был состояться концерт с участием Поля Робсона, «Ткачей» и других исполнителей.

Но к девяти утра на дорогу перед Пикскиллом повалили толпы местных антикоммунистов, поклявшихся во что бы то ни стало сорвать концерт. В ответ нью-йоркские профсоюзы направили в Пикскилл три тысячи добровольцев для охраны общественного порядка. А возле стоянки автомобилей маршировали девятьсот полицейских при полном вооружении. В городском парке несколько хмурых типов загружали багажники булыжниками. За их странным занятием наблюдала одна женщина, стоявшая неподалеку у церкви. Она заметила возле машины груды плакатов с призывом: «Проснись, Америка! Пикскилл уже проснулся».

«Ткачи» приехали каждый сам по себе. Программа концерта была очень плотная, и из ансамбля в нее включен был наверняка только Пит Сигер, более известный, чем его коллеги: Ронни Джилберт, Фред Хеллерман и Ли Хейс. Сигер подъехал к стоянке в одиннадцать, за несколько часов до начала концерта. Войдя в главные ворота, он оказался на вершине открытого амфитеатра, сбегавшего с трех сторон к широкой лужайке. Посреди лужайки возвышалась сцена. «Удобно для нападения», — подумал он, но тут поднял глаза и увидел, что холмы за лужайкой опоясаны чем-то вроде Великой китайской стены. Это две с половиной тысячи рабочих стояли, сцепив локти, живой стеной защищая подступы к амфитеатру и сцене. Организаторы учли опыт предыдущего концерта.

Тогда тоже должен был выступить Робсон. Но местные «патриоты» прорвались на сцену, втащили на нее деревянный крест и подожгли его. Они поломали и сожгли стулья, избивали дубинками собравшихся зрителей. Они не были гангстерами. Нет, это были вполне добропорядочные горожане Пикскилла, большей частью ветераны войны, обозленные тем, что, вернувшись с фронта, не получили ни обещанных домов, ни хорошей работы. И они твердо знали, из-за кого им нет жизни: из-за интеллигентов, евреев и черномазых.

На сей раз концерт состоялся и шел гладко. Ветераны больше грозились, чем действовали. «Идите, идите! — кричали они зрителям. — Войти-то вы войдете, а вот как

выберетесь?..» Двадцать пять тысяч человек слушали, как Робсон пел «Олд мэн ривер», и устроили овацию, когда прозвучали слова: «Мы должны бороться, продолжать борьбу».

Противники концерта имели разрешение проводить свою демонстрацию за пределами амфитеатра до 14.50. Если бы полиция разогнала их в назначенное время, все, наверное, кончилось бы так, как предполагали организаторы концерта.

«Нам так и не удалось выступить, — рассказывает Ронни Джилберт. — Концерт решено было укоротить, чтобы зрители смогли добраться домой засветло». Только Сигер спел несколько песен, в том числе написанную им вместе с Ли Хейсом за шесть месяцев до этого «Если бы у меня

«Подлые времена» — так назвала свою книгу американская писательница и драматург Лилиан Хеллман о пятидесятых годах, когда в США свирепствовала «охота на ведьм». Человека вызывали на заседание «комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» и вынуждали клеветать на себя, на своих друзей.

Антикоммунистическая истерия была и основой и следствием развязанной правительствами западных стран «холодной войны». Стремясь запугать обывателя, «красных» искали повсюду, создавая видимость кошмарного коммунистического заговора.

И не случайно вспомнил сейчас историю травли ансамбля «Ткачи» американский журналист Дэвид Данауэй: поклонники «холодной войны» и «черных списков» не перевелись в Америке и по сей день. Эта публикация — напоминание и предупреждение американской общественности об опасности, повторения которой нельзя допустить.

На снимках: слева — ансамбль «Ткачи», как он выглядел в те годы; вверху — Поль Робсон на концерте в Пикскилле в окружении своей «личной охраны» — американских рабочих.

был молот»¹. Подхваченная тысячами голосов, песня летела за полицейские кордоны, за рабочее оцепление, над окрестными лугами и над дорогами, на которых между тем собирались угрюмые толпы.

Отзвучали песни и речи, взбудораженные зрители и участники поздравляли друг друга с замечательным концертом, уплетая припасенные в дорогу сандвичи, начался разезд, стадо автомобилей запрудило выезд на главную трассу.

В 16.10 полиция, к удивлению отъезжающих, стала направлять машины на извилистую, круто взбирающуюся

¹ «Ровесник» опубликовал эту песню в № 11 за 1975 год. — Примеч. ред.

вверх дорогу. «Я выехал из ворот и хотел повернуть налево, на ту дорогу, по которой приехал, — рассказывает Пит Сигер. — Но полицейские сказали: «Нет, всем туда» — и направили нас в другую сторону». Вот что было дальше. Рассказывает Сигер:

«Машины медленно пробирались сквозь толпу, вопившую: «Убирайтесь, белые ниггеры!», «Краснопузые, проваливайте в свою Россию!» Не отъехали мы и сотни метров, как я увидел на дороге осколки стекла. Я ехал с семьей. «Берегитесь, — крикнул я, — как бы в нас не кинули камень». Я оказался пророком, но пророком наивным. В своем простодушии я не подозревал, что дело поставлено на широкую ногу и четко организовано. За первым же поворотом нас поджидал дядя, стоявший у пирамиды булыжников, доходившей ему до пояса. Каждый камушек величиной с бейсбольный мяч. Каждый автомобиль получал свою порцию. Трах! Следующий... С расстояния в полтора метра. За следующим поворотом — новая пирамида. Трах!»

Сигер ехал в открытом «джипе», машине с окнами, но без крыши. «Ложитесь на пол!» — скомандовал он своим детям. Стекла захрустели под градом камней, усыпая все в машине мелкими осколками.

Один из «Ткачей», ехавший впереди Сигера, наблюдал такую сцену. Полицейский обратил внимание на остановившуюся машину. Ее водитель беспомощно озирался по сторонам, видимо не решаясь ехать дальше. «Шуганем-ка этого мозгляка!» — прошипел полицейский. Он подошел вплотную к автомобилю, примерился полицейской дубинкой, длинной и тяжелой, и что есть силы ткнул ею, целясь в левый глаз водителя. Тот отшатнулся, но поздно. Хотя глаз уцелел, дубинка рассекла веко. Пошла кровь. Дождавшись, когда водитель выпрямится, полицейский прицелился для второй попытки.

Пассажирам велели выйти из машины и принялись избивать их дубинками. У водителя была забинтована ладонь (обжег накануне). Сбив его с ног, один из полицейских прыгнул на эту ладонь. Пальцы хрустнули под каблуком.

Отчаянные крики, звон разбиваемых окон — западня... Попал в переделку и продюсер грамзаписей «Ткачей» Марио Кассетта.

«Они стояли на откосе над дорогой и швырнули в нас не булыжник — валун! — вспоминает с содроганием Кассетта. — Он грохнул в окно, как снаряд. Вся дорога была усыпана камнями, и ехать по ней было все равно что по минному полю. Машина сотрясалась от ударов со всех сторон, и по днищу и по кузову.

Наконец мы вырвались из зоны обстрела. Остановились, я спросил каких-то людей, где ближайшая больница. Они в ответ только расхохотались. Расхохотались! Как сейчас вижу ту женщину, которая зашла от смеха и раскачивалась взад и вперед, хлопая себя по коленям. Я не верил своим глазам. Наверное, так же бывало на улицах Берлина, когда нацисты начинали свои погромы. На всем пути до Бронкса (район Нью-Йорка. — Примеч. пер.), а это больше двадцати миль, можно было видеть покалеченных людей, осматривающих свои свежие раны. Сплошная аллея крови».

Никто из квартета «Ткачи» в Пикскилле не пострадал, но захромала их дальнейшая карьера. Сборы упали, так как лево настроенная публика стала опасаться новых погромов. Нужно было что-то решать. «Ткачи» собрались в сыром подвале у Сигеров на Макдугал-стрит. Пит сказал, что если не выступать перед другой аудиторией, хотя бы и в ночных клубах, то можно считать, что их песенка спета. Ли не согласился: бросив выступать на митингах левых, сказал он, «Ткачи» отступятся от цели, ради которой они объединились.

Тогда жена Сигера Тоси Ота предложила испробовать ночной кабачок «Вилледж Вэнгард». В худшем случае, сказала она, поделим заработок Пита на четыре части, и каждому из «Ткачей» достанется по пятьдесят долларов в неделю. «Ткачи» согласились. Было решено закатить «премьеру» длиной в две недели. Ангелом-организатором группы стала Тоси. Первым делом она убедила «Ткачей» одеться одинаково, для чего и купила для всех вельветовые пиджаки. Она же обговорила контракт с хозяином «Вилледж Вэнгард» Максом Гордоном. «По этому контракту Макс должен был, помимо двухсот долларов в неделю, кормить нас бесплатно гамбургерами (булочками с рубленным бифштексом. — Примеч. пер.), — смеется Пит. — Однажды он застал нас за трапезой и увидел, какие гамбургеры мы себе делаем: по двести граммов мяса

в каждом. А я один съедал по три-четыре штуки за вечер. «Давайте переделаем контракт,— заволновался Макс.— Двести пятьдесят долларов в неделю, но никаких гамбургеров».

«Ткачи» открыли свою программу рождественским гимном в ночь под рождество 1949 года. Однако дела шли неважно. Друзья походили, походили и перестали, публика, по привыкнуд к новым именам, остыла. В один февральский вечер 1950 года в зале когда-то шумного кабачка сидело всего с полдюжины посетителей. Но музыка «Ткачей» нравилась Гордону, и это главное, потому что он тут был хозяином и он упрямо держал «Ткачей». Квартет репетировал ежедневно, изобретая новые аранжировки, добываясь оригинального звучания. Однажды Элан Ломакс привел в «Вилледж Вэнгард» Карла Сэндберга¹. Поэт похвалил группу, и тогда в кабачок зачастили газетные рецензенты. «Ткачи» не успели опомниться, как гулкий подвал «Вэнгарда» стал ломиться от посетителей.

С большим успехом пела Ронни под аккомпанемент старинной флейты (Пит) и гитары (Фред Хеллерман). А когда «Ткачи» исполнили на четыре голоса «Гуднайт, Айрин» в ритме вальса, публика просто взвыла от восторга. Тогда, в пятидесятом, в диковинку было все — и то, что песня сочинена бывшим заключенным негром Лидбелли, и непривычный стиль исполнения. Двухнедельный контракт растянулся на шесть месяцев. К июню в активе дружной четверки были песня, признанная «хитом» («Тзена, Тзена»), менеджер плюс контракты на грамзаписи и выступления по телевидению.

Их успехи радовали не всех. В ликующем зале сидел некто Харви Мэтусоу, который, знакомясь с «Ткачами», попросил называть его просто Мэтт. Могли ли музыканты предположить, что этот невзрачный человек опрокинет всю их карьеру? Мэтт был осведомителем ФБР. 16 июня 1950 года он доложил своим шефам, что, хотя «Ткачи» ни в чем таком пока не замечены, ФБР следует не спускаться с них глаз.

В данном случае ФБР не нуждалось в подсказке. Досье на «Ткачей» уже велось. Недоставало в нем сущего пустяка — чтобы «Ткачам» асадил занозу какой-нибудь злобный антикоммунистический журнальчик вроде «Каунтераттэк». Вырезки из подобных изданий ФБР стригло с вдохновением коллекционера.

Основанный тремя отставными агентами, «Каунтераттэк» был побочным ребенком ФБР и питался инсинуациями и слухами. Антикоммунизм в те дни превратился в хороший бизнес. Комитеты конгресса платили по денно «консультантам» за подтасованные показания против коммунистов. «Каунтераттэк» делал сто тысяч долларов в год. Это на подписке, а при журнале орудовала еще некая «расчетная палата» с солидным названием «Америкэн бизнес консалтэнтс», которая подряжалась вести частный сыск для крупных компаний (такса — 5 тысяч долларов в год).

Механику этого сыска раскрыл в своей книге «Золотая паутина» знаток американского телевидения Эрик Барноу. Редакторы «Каунтераттэк» звонят в какую-то телевизионную компанию и сообщают, что, по их сведениям, актриса имярек, занятая в съемках нового сериала, поддерживает сомнительные политические связи. «Каунтераттэк» охотно проведет в частном порядке изучение лояльности этой актрисы и остальной труппы. За услугу — тысяча долларов. Если предложение отклоняется, три недели спустя «Каунтераттэк» выходит с материалом, в котором эта актриса фигурирует если не как коммунистка, то как «попутчица», что почти одинаково плохо. Благодаря этой тактике «Каунтераттэк» заручился покровительством таких гигантов, как «Дженерал моторс», «Дюпон», «Вулвортс» и «Рейнольдс тобэкко». Один подписчик, хозяин универмага в Сиракузах, заклеил как «коммунистическое» всякое мыло, реклама которого появится в ходе телевизионного шоу, раскритикованного в «Каунтераттэк». «Пусть,— призвал он,— покупатели сами решают, хотят ли они мыться запятнанным мылом!»

¹ Карл Сэндберг — выдающийся американский поэт (1878—1967). — Примеч. ред.

Популярность «Ткачей» тем временем росла. Предводительствуемые практичной Тоси, они совершили турне в Голливуд и Хьюстон. Известный дирижер и аранжировщик Гордон Дженкинс, прослушав их в «Вэнгарде», уговорил Фрэнка Синатру напеть на пластинку «Гуднайт, Айрин». Митч Миллер исполнил для грамзаписи «Тзена, Тзена». В довершении всего компания Эн-би-си предложила «Ткачам» выступать раз в неделю в программе, транслировавшейся на всю страну.

«Ткачи» были вне конкуренции. До их взлета мало кому за пределами больших городов доводилось слушать народные мелодии в такой великолепной аранжировке. Успеху квартета сопутствовало то, что он взломал все дотеле привычные каноны популярной музыки: у певцов были «непоставленные» голоса, и вместо вокальных эффектов они отдавали предпочтение содержанию песен. Они много занимались обработкой песен Лидбелли и Гатри, которые в оригинале были непонятны и грубоваты для широкой аудитории.

Начиная с июня 1950 года первая пластинка «Ткачей» так быстро «пошла в гору», что диск-жокеи не знали, с какой стороны начинать: на одной «Тзена», на другой «Гуднайт, Айрин». Звезда «Ткачей» ярко сияла и на радионебосклоне. Радиопродюсеров, обеспокоенных нарастающей конкуренцией со стороны телевизионных шоу, волновали не столько «черные списки», сколько популярность актеров и их репертуара. А народный стиль песен, исполнявшихся «Ткачами», и сам ансамбль были популярны.

В том июне пятидесятого разразилась война в Корее. В газетах замелькали списки погибших, и на коммунистов стали коситься как на смертельных врагов Америки. Надвигался арест Джулиуса и Этель Розенбергов за то, что они якобы продали сведения об атомной бомбе Советскому Союзу. А 22 июня в киосках появилась брошюра под названием «Красные каналы: коммунистическое проникновение на радио и телевидение».

Сработанная редакцией «Каунтераттэк», эта книжонка в красной обложке и без указания авторов искалечила сотни артистических судеб. Под заголовком изображены были микрофон, падающий влево, и готовая вцепиться в него темно-красная рука. Брошюра состояла из перлов вроде «красного дыма без коммунистического огня не бывает» и содержала список артистов и других людей искусства, якобы имеющих связи с «коммунистическим фронтом»: 150 с лишним человек. Большую часть «материала» составляли вырезки из «Дейли уоркер» (газеты американских коммунистов. — Примеч. пер.) — привычный в ФБР метод сбора досье.

Упомянутых в «красных каналах» потащили для объяснений в сенатскую «комиссию по расследованию антиамериканской деятельности». Побывали там исполнители народных песен Бэрл Ивс, Джош Уайт и Оскар Брэнд. Уайт не выдержал давления и в декабре 1950 года унизился до того, что написал в «Нигроу дайджест»: «Я плясал под дудку коммунистов».

Из «Ткачей» в брошюре назван был только Пит Сигер, но и этого было вполне достаточно. По частоте упоминаний (тринадцать раз) его имя приходилось где-то между композитором Аароном Копландом и писательницей Лилиан Хеллман. Книжонка легла на влиятельные столы. Не прошло и недели, как был аннулирован телевизионный контракт — финансовый поручитель «Ткачей» (фирма «Свинина и бобы») робко отступил от своих протезе.

И все же вопреки всем стараниям «Каунтераттэк» группа «Ткачи» делала один «хит» за другим. В сентябре 1950 года, когда конгресс принял «закон Маккарена», позволявший сажать левых в «лагеря заключения», «Гуднайт, Айрин» стояла по числу проданных пластинок на первом месте, а «Тзена, Тзена» на четвертом. В ноябре, когда войска Дугласа Макарура достигли китайской границы, «Айрин» была самой популярной пластинкой в Англии. На протяжении всего 1951 года в ФБР не могли не думать о миллионах слушателей, упивавшихся томной песенкой «Ткачей» «Киссиз суитер ден уайн» («Поцелуй

слаще вина») или их же «Соу лонг, итс бин гуд ту ноу ю» («Пока, приятно было провести время»).

Летом 1951 года ФБР активизировалось. Розенбергам вынесен смертный приговор, публика взвинчена до безумия темой предательства. ФБР с помощью «Каунтераттэк» принялось наносить по «Ткачам» прямые удары.

Сначала было отменено приглашение выступить в «Шоу Дейва Гэрроуэя». Их песни отдали другим исполнителям.

Затем 8 августа 1951 года губернатор штата Огайо Фрэнк Лауш запросил у ФБР конфиденциальные сведения о «Ткачах», которые собирались выступить на местной ярмарке. Шеф ФБР Эдгар Гувер не заставил себя ждать. В нарушение закона, не позволявшего знакомить с секретными досье посторонних, даже губернаторов, он прислал все, что требовалось. Перед «Ткачами» опустили шлагбаум так внезапно, что не успели даже вычеркнуть их имена из программ концертов. «Ткачи» не могли понять, что случилось. В Огайо за ними повсюду волочились «хвосты». В гостинице их предупредили, чтобы они во время репетиции не закрывали дверь в комнату, иначе полиция сама ворвется внутрь. Губернатор Лауш пообещал Гуверу не раскрывать источник полученной им информации и заодно спросил, не подкинуть ли материал местным репортерам. Неделью спустя корреспондент «Уорлд-телеграмм» Фредерик Уолтман напечатал «разоблачение», основанное именно на той информации, которую Лауш получил от ФБР.

В охоту включился сенатор-демократ от штата Невада Пэт Маккарен. ФБР переслало в его сенатский подкомитет внутренней безопасности груды донесений осведомителей, газетных вырезок и подметных писем. Подкомитет нашел, что популярная песня «Ткачей» «Рок Айленд лайн» следует той же «лайн» — то есть «линии», — что и коммунистическая партия. Подкомитет Маккарена приступил к широкому расследованию «дела» ансамбля «Ткачи» на основании главы 18 кодекса США, статьи 2383—85 (мятеж, вооруженное восстание, призыв к свержению правительства и заговор в подрывных целях).

Вероятно, более всего ФБР раздражала живучесть «Ткачей» наперекор создаваемым для них препонам. Опасность крылась не в их песнях самих по себе (тем более что появились авторы с репертуаром поострее). Но «Ткачи» благодаря своей непотопляемости стали знаменем гонимых радикалов. В Билль о правах явочным порядком протискивалась новая свобода — свобода песни.

Занесение ансамбля в «черные списки» только сделало ему имя в прессе. Журнал «Вэрайети» двусмысленно выделил «Ткачей» как «первую группу, которой запретили выступать в нью-йоркском кафе ввиду ее якобы братания с левыми элементами». Другой журнал, «Даунбит», сообщая об этом запрете, холодно съязвил: «Если коммунисты выскажутся в пользу кормления младенцев молоком, немедленно поставьте полицию в известность, что вы лично не имеете ничего общего с этой крамольной мыслью».

Но в игре против «Ткачей» у ФБР и «Каунтераттэк» был припрятан козырь: Харви Мэтусоу — Мэтт, доносчик. Этот низенький пухлый человечек, получивший в школе прозвище «Дай монетку» за привычку кланяться у всех мелочь, жаждал личного успеха. Гонораров ФБР ему было мало, и он подрабатывал как осведомитель в нью-йоркском управлении образования и в городской полиции. Очередной ступенькой карьеры Мэтусоу счел приглашение сотрудничать с «Каунтераттэк».

«Именно в этой редакции я научился использовать имена известных людей театра и кино к собственной выгоде, выступая в судах как платный свидетель, — признавался Мэтусоу в своей автобиографической книге «Лжесвидетель», вышедшей в 1955 году. — Помню, мы обсуждали в редакции, как быть с известным квартетом, чья пластинка пользовалась в США рекордным спросом. Один из музыкантов (Пит Сигер. — Примеч. автора) фигурировал в «красных каналах», однако у нас не было

против группы ничего конкретного... Зная всех четырех не как коммунистов, но как их друзей, я тем не менее торжествующе воскликнул: «Я знаю их, они коммунисты!» Оба редактора посмотрели на меня ободряюще: мол, так держать, парень, у тебя хорошо получается».

«Кажется, я помню Харви, — говорит Ронни. — Он ходил между столиками, продавая «Дейли уоркер». Мы его не принимали всерьез». А стоило бы. 6 и 7 февраля 1952 года после очередной «репетиции» в редакции «Каунтераттэк» Харви Мэтусоу дал показания в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Он заявил под присягой, что трое «Ткачей» состоят в компартии. Разгорячившись от света юпитеров и всеобщего внимания, он увлекся и переборщил, едва не угробив «дело»: начал обвинять коммунистов в том, что они будто бы играют на «сексуальных слабостях», американской молодежи, чтобы заманить ее в свою партию.

После лжесвидетельства Мэтта «Ткачей» стали сторониться как неприкасаемых. «Мы уже пробились в самые модные ночные клубы, как вдруг эти «черные списки», — вспоминает один из «Ткачей». — И тогда наша дорожка пошла под уклон. Все круче и круче, пока мы не оказались на задворках Кливленда в таких кабаках, как «Бар Даффи» и «Гриль». Но и там им не давали покоя. «Американский легион» потребовал у Даффи выгнать «Ткачей». На что Даффи, однако, бесстрашно ответил: «Ну уж нет. Это музыка! Отвалите, не то кликну моих мальчиков».

Хотя их пластинка к этому времени разошлась немислимым тиражом — 4 миллиона экземпляров, «Ткачам» почти нигде не давали выступать. На демонстрации 1 мая 1952 года Пит Сигер шел по Пятой авеню Нью-Йорка в военной форме с плакатом на груди: «Запрещен цензурой».

В начале 1953 года группа, отыграв в последний раз по контракту с фирмой «Декка», взяла субботний отдых, который, как грустно шутил Ли Хейс, «перерос в понедельник, вторник и т. д.». Хотя «Ткачи» и выступали вновь с 1955 года по 1963 год, они уже не пользовались былой популярностью — даже в середине шестидесятых, когда произошло возрождение народной песни.

«Каунтераттэк» и ФБР смогли-таки затравить «Ткачей» с помощью своих «черных списков», но песня «Если бы у меня был молот» оказалась несокрушимой. «Ткачам» не представилась возможность вывести ее в разряд «хитов» (эта честь выпала на долю ансамбля «Питер, Поль и Мэри»), но они получили удовлетворение от того, что песню эту не смогли убить никакие эдикты и никакие комитеты и комиссии. Песни, подобно революциям, живут дольше тех, кто их породил. Великие песни, что бы с ними ни случилось — временное превращение в коммерческий боевик, утрата или возрождение, — имеют собственную жизнь.

Нынешняя жизнь «Ткачей» такова: Ронни Джилберт гастролирует с театральной труппой и строит себе дом в лесах Британской Колумбии. Фред Хеллерман сочиняет музыку для фильмов и выпускает пластинки. Ли Хейс, преодолевая нездоровье, работает, как он говорит, над «посмертными мемуарами». Пит Сигер и Тоси Ота живут в коттедже на берегу Гудзона. В свой камин они вмуровали камни, которыми тридцать лет назад в Пикскилле были выбиты стекла в их «джипе».

Харви Мэтусоу в 1955 году публично отрекся от своего лжесвидетельства и получил пять лет тюрьмы, чтобы зализывать раненую совесть. Он стал профессиональным ненавистником компьютеров, возглавив «Международное общество за ликвидацию счетно-вычислительных машин».

Песню «Если бы у меня был молот» исполняли все знаменитости — от Перри Комо до Ареты Фрэнклин.

Люди, травившие «Ткачей», кто умер, кто на пенсии, а кто — неизвестно кто, благодаря исключениям из закона о свободе информации.

Платон однажды заметил, что музыка имеет опасную силу, и посоветовал властителям подвергать ее тщательной цензуре. С этим, безусловно, согласны и чилийский Пиночет, и американское ФБР.

Перевел с английского В. ЧЕРНЯК

ВЕРНИТЕ МНЕ НАМИБИЮ

Их семеро. Семь молодых намибийцев. Четверо юношей: Джексон Каужева, Дан Хавени Хайпинга, Сакей Чиквамби, Ник Намбаху, — и три девушки: Марта Элизер, Альбертина Хейта, Фрида Кауримуши. Все они члены Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО), ведущей борьбу за освобождеие Намибии от оккупации расистским режимом ЮАР. Однако оружием своим они избрали не винтовку или автомат, а песню. Песню-протест, песню-обличение. Песню, мобилизующую жителей Намибии на борьбу с расистами Южной Африки. Песню, рассказывающую общественности тех стран, где гастролирует группа, о тяжелом положении намибийского народа, его борьбе за национальную независимость.

Недавно совместно с Департаментом информации СВАПО группа выпустила свою первую пластинку «Песни освобождения». Мы представляем вам одну из них — «Верните мне Намибию». Музыка и слова народные, а исполняет ее руководитель ансамбля Джексон Каужева.

Джексон Каужева поет: «Моя Намибия, ты — жемчужина, ты — наша светлая песня, мы любим твое солнце, но тебя отобрали у нас. Верните мне мою страну, верните мне Намибию! Мы будем бороться, бороться до победы. И ты обязательно будешь свободна, моя Намибия!»

1. Great our Namibia,
Just a pearl,
Just pure gold.
Припев:
She isn't mine!
Give me back, give me back,
Give me back Namibia,
Give me back my country,
Give me back Namibia. | 2. We love Namibia
For her sun,
Sweet horn of our melodies. | 3. We will fight
Till we are free.
We will fight whatever they
call it. | 4. I know, Namibia
Will be free.
Some day it will be free. |
|--|---|--|--|

4528